

© 2014 г. О.И. БЕЛЯЕВ

ОСЕТИНСКИЙ КАК ЯЗЫК С ДВУХПАДЕЖНОЙ СИСТЕМОЙ: ГРУППОВАЯ ФЛЕКСИЯ И ДРУГИЕ ПАРАДОКСЫ ПАДЕЖНОГО МАРКИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются некоторые проблемные случаи падежного маркирования в осетинском языке: групповая флексия, управление предлога *æнæ* 'без', дифференцированное маркирование прямого дополнения, употребление форм местоимения *кæрæдзи* 'друг друга' в иронском диалекте в позиции посессора и прямого объекта. Показано, что выбор падежа в этих конструкциях определяется структурой парадигмы зависимой лексики. Для объяснения распределения словоформ в этих синтаксических контекстах предлагается разделить падеж в осетинском языке на две категории: «морфологический падеж» (МП), приписываемый словоформам, который состоит всего из двух граммем, ректуса и обликвуса, и «групповой падеж» (ГП), приписываемый именным группам, к которому относятся все традиционно выделяемые косвенные падежи. МП соответствует категории падежа в языках, не допускающих групповой флексии, например в русском и латинском, ГП – падежным граммемам, допускающим групповое оформление, как, например, в тюркских языках. Существование двух таких категорий в пределах одного языка может свидетельствовать о том, что их следует различать и в типологической перспективе. Данные осетинского языка сопоставляются с аналогичными явлениями в других языках: восточноармянском, индо-арийских, калмыцком, тохарском А. Анализ формализуется в терминах лексико-функциональной грамматики.

Ключевые слова: морфология, падеж, групповая флексия, парадигма, лексико-функциональная грамматика, осетинский язык

This article deals with several problematic instances of case marking in Ossetic: suspended affixation, case government of the preposition *ænz* 'without', differential object marking, the distribution of the forms of Iron *kærzi* 'each other' in the functions of direct object and possessor. I show that the assignment of case in these constructions is determined by the structure of the paradigm of the dependent lexeme. The distribution of different wordforms in these syntactic environments is explained by decomposing case in Ossetic into two categories: "morphological case" (m-case), assigned to wordforms, which has only two values, direct and oblique, and "group case" (g-case), assigned to NPs, which includes all the oblique case values distinguished for Ossetic. M-case corresponds to case in languages which do not allow suspended affixation, such as Russian and Latin, while g-case corresponds to case categories in languages that do have suspended affixation, such as Turkic. The coexistence of these two categories within a single language may imply that they should also be distinguished in typological perspective. The data of Ossetic are compared to similar phenomena in other languages: Eastern Armenian, Indo-Aryan, Kalmyk, and Tocharian A. The analysis is formalized in terms of Lexical Functional Grammar.

Keywords: morphology, case, suspended affixation, paradigm, Lexical Functional Grammar, Ossetic

1. ВВЕДЕНИЕ

Осетинский язык – язык иранской группы индоевропейских языков, распространенный на Северном Кавказе, в Республике Северная Осетия – Алания, и в Закавказье, в Республике Южная Осетия. По официальным данным [Перепись 2010],

общее число носителей осетинского языка в России – около 450 тыс. человек; по данным [Lewis et al. 2014], общее число носителей осетинского языка в мире составляет 577 450 человек. В данной статье в основном будет использоваться материал крупнейшего диалекта осетинского языка – иронского; данные второго по величине диалекта, дигорского, будут привлекаться в тех случаях, когда этот диалект обнаруживает отличия в существенных для данной статьи моментах¹.

Основная идея этой статьи состоит в том, что за поверхностно выделяемой восьмилл или девятипадежной системой в осетинском языке стоят две грамматические категории падежа: первая, бинарная, противопоставляет прямой и косвенный падежи; вторая формирует подсистему косвенных падежных форм и содержит все традиционные падежные граммемы кроме номинатива.

Многие языки, в том числе в кавказском ареале [Кибрик 1990], регулярно различают прямую и косвенную основы, и поэтому противопоставление прямого падежа всем косвенным на морфологическом уровне является достаточно распространенным явлением. В осетинском языке, как и в некоторых дагестанских языках², это противопоставление выходит за рамки собственно морфологии и проявляется в различных синтаксических конструкциях: при групповой флексии, в вариантах падежного маркирования зависимых некоторых предлогов, при маркировании прямого объекта. В статье показано, что только постулирование двух полноценных, синтаксически релевантных категорий падежа позволяет дать всем этим случаям нестандартного падежного маркирования непротиворечивое объяснение. В этом мой анализ принципиально отличается от разложений падежа и других категорий, предлагавшихся для разных языков Р.О. Якобсоном и его продолжателями [Якобсон 1936/1985; Bierwisch 1967; Blevins 1995; Müller 2002], основанных в основном на формально-морфологических фактах и потому в значительной мере произвольных.

Кроме того, важной особенностью постулируемых грамматических категорий является то, что они различаются также по своему формальному выражению: «бинарный» падеж является чисто морфологическим падежом, аналогичным по своему поведению соответствующим граммамам флективных языков, таких как русский и латинский, в то время как «вторичный» падеж является показателем, относящимся не к слову, а к целой синтаксической группе, что сближает его с аналогичной категорией в тюркских и других агглютинативных языках. Такое сосуществование двух формально различных падежных категорий в рамках одного языка поднимает вопрос о правомерности существующей типологии падежных систем, рассматривающей «групповые» и «флективные» системы как объекты одного рода.

¹ Иронские примеры с указанием источника взяты из Осетинского национального корпуса (ОНК, <http://corpus.ossetic-studies.org>), дигорские – из устных текстов на дигорском диалекте (<http://ossetic-studies.org/ru/texts/digor>). Осетинские примеры без указания источника собраны в ходе экспедиций в г. Владикавказ в 2011–2013 гг. Я благодарен всем моим консультантам, в особенности М.В. Дарчиевой, а также А. Гуриеву, Т.Т. Камболову, З.К. Кусаевой и Х.А. Таказову за поддержку в работе над осетинским языком. Все ошибки в примерах – на моей совести. Выражаю благодарность П.М. Аркадьеву за ценные комментарии к тексту настоящей статьи. Я также хотел бы поблагодарить участников конференций, на которых были представлены более ранние варианты данного исследования: 15-го Международного конгресса морфологов (Вена, Австрия), в особенности О. Бонами, и конференции «Типология морфосинтаксических параметров – 2012», в особенности С.С. Сая, Л.В. Хохлову, Е.Л. Рудницкую, А.В. Циммерлинга и Дж. Левайна. Кроме того, за тохарский материал я благодарен И.Б. Иткину. Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 13-04-00342), Президиума РАН (программа «Корпусная лингвистика») и Отделения историко-филологических наук РАН (проект «Синтаксическая типология: сочинение, эллипсис, типология клитик и систем порядка слов»).

² Например, в цахурском, где прилагательные различают прямую и косвенную формы в зависимости от падежа имени-вершины [Сосенская 1999].

2. ПАДЕЖНАЯ СИСТЕМА ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

Традиционно в осетинском языке выделяется девять падежей для иронского диалекта и восемь – для дигорского, где отсутствует комитатив³. В осетинском имеется всего один тип склонения существительных, с небольшими морфонологическими отличиями в форме падежных аффиксов в зависимости от исхода основы на гласную или согласную. В дигорском имена, оканчивающиеся на *-æ*, склоняются в целом по согласному типу с усечением конечной гласной, за исключением форм аллатива и суперэссива, где она «восстанавливается». В иронском такие существительные склоняются по гласному типу.

Таблица 1

Склонение существительных единственного числа

Падеж	Согласный тип <i>бæх</i> ‘конь’		Гласный тип <i>уыры/уру</i> ‘крыса’		На <i>-æ</i> <i>сифæ</i> ‘лист’
	ир.	диг.	ир.	диг.	диг.
NOM	<i>бæх</i>	<i>бæх</i>	<i>уыры</i>	<i>уру</i>	<i>сифæ</i>
GEN	<i>бæх-ы</i>	<i>бæх-и</i>	<i>уыры-йы</i>	<i>уру-й</i>	<i>сиф-и</i>
DAT	<i>бæх-æн</i>	<i>бæх-æн</i>	<i>уыры-йæн</i>	<i>уру-йæн</i>	<i>сиф-æн</i>
ALL	<i>бæх-мæ</i>	<i>бæх-мæ</i>	<i>уыры-мæ</i>	<i>уру-мæ</i>	<i>сиф-æмæ</i>
ABL	<i>бæх-æй</i>	<i>бæх-æй</i>	<i>уыры-йæ</i>	<i>уру-йæй</i>	<i>сиф-æй</i>
IN	<i>бæх-ы</i>	<i>бæх-и</i>	<i>уыры-йы</i>	<i>уру-й</i>	<i>сиф-и</i>
SUPER	<i>бæх-ыл</i>	<i>бæх-бæл</i>	<i>уыры-йыл</i>	<i>уру-бæл</i>	<i>сиф-æбæл</i>
EQU	<i>бæх-ау</i>	<i>бæх-ау</i>	<i>уыры-йау</i>	<i>уру-йау</i>	<i>сиф-ау</i>
COMIT	<i>бæх-имæ</i>	–	<i>уыры-(й)имæ</i>	–	–

Показатель числа присоединяется к основе агглютинативно; во множественном числе падежные показатели в целом те же, что и в единственном.

³ Данные об иронских падежных парадигмах имеются в грамматиках [Гагкаев 1952; Абаев 1959; Ахвледиани 1963; Багаев 1965]. Дигорское склонение представлено в [Абаев 1949; Исаев 1966].

Описывая «традиционное» представление об осетинской системе склонения, в вопросе о числе падежей я следую за В.И. Абаевым, который говорит о девяти падежах в иронском и восьми – в дигорском. Некоторые исследователи, в частности Н.К. Багаев, выделяют в осетинском также винительный падеж, совпадающий у разных лексем либо с номинативом, либо с генитивом. Однако одна и та же лексема в позиции прямого объекта может стоять как в номинативе, так и в генитиве (см. ниже), что противоречит идее об аккумуляте как отдельном падеже. Как будет показано ниже, правила падежного маркирования некоторых местоимений также плохо совместимы с таким подходом. Другие аргументы против включения винительного падежа в осетинскую именную парадигму содержатся в статье [Кулаев 1957].

Х.А. Таказов, напротив, уменьшает число падежей в иронском диалекте до восьми за счет объединения генитива и инэссива [Токазов 1977]. Действительно, у существительных эти падежи имеют одинаковое морфологическое выражение. Однако оно различно у указательных и энклитических местоимений. Таким образом, если принимать анализ Х.А. Таказова, то придется постулировать для существительных и местоимений различные наборы падежных граммем, что приводит к усложнению правил приписывания падежа, которые должны учитывать лексическую категорию управляемой словоформы. В связи с этим я предпочитаю придерживаться анализа, исходящего из единого состава падежей у всех частей речи.

Нерегулярно склонение существительных, находящихся при числительных. В иронском они склоняются по парадигме единственного числа, за исключением номинатива, совпадающего с генитивом; в дигорском для имен при числительных имеется особое «нумеративное» склонение, схожее со склонением указательных местоимений. Отдельные лексемы, например *иннае* ‘другой’ и *каерадзе* ‘друг друга’ (см. ниже), всегда склоняются по этому типу.

Таблица 2

Склонение существительных множественного числа и существительных при числительных

Падеж	множественное число <i>бахтæ</i> ‘кони’		нумеративное склонение <i>фондз бахы/бахы</i> ‘пять коней’	
	ир.	диг.	ир.	диг.
NOM	<i>бах-тæ</i>	<i>бах-тæ</i>	<i>фондз бах-ы</i>	<i>фондз бах-и</i>
GEN	<i>бах-т-ы</i>	<i>бах-т-и</i>	<i>фондз бах-ы</i>	<i>фондз бах-ей</i>
DAT	<i>бах-т-æн</i>	<i>бах-т-æн</i>	<i>фондз бах-æн</i>	<i>фондз бах-емæн</i>
ALL	<i>бах-т-æм</i>	<i>бах-т-æмæ</i>	<i>фондз бах-мæ</i>	<i>фондз бах-емæ</i>
ABL	<i>бах-т-æй</i>	<i>бах-т-æй</i>	<i>фондз бах-æй</i>	<i>фондз бах-емæй</i>
IN	<i>бах-т-ы</i>	<i>бах-т-и</i>	<i>фондз бах-ы</i>	<i>фондз бах-еми</i>
SUPER	<i>бах-т-ыл</i>	<i>бах-т-æбæл</i>	<i>фондз бах-ыл</i>	<i>фондз бах-ебæл</i>
EQU	<i>бах-т-ау</i>	<i>бах-т-ау</i>	<i>фондз бах-ау</i>	<i>фондз бах-ейау</i>
COMIT	<i>бах-т-имæ</i>	–	<i>фондз бах-имæ</i>	–

Склонение местоимений менее регулярно. Личные местоимения 1 и 2 л. ед. ч. склоняются по «принципу двух основ»: формы номинатива и генитива супплетивны, а остальные падежи образуются от формы генитива как от косвенной основы.

Таблица 3

Склонение личных местоимений 1 и 2 лица единственного числа

Падеж	<i>æз</i> ‘я’		<i>ды/ду</i> ‘ты’	
	ир.	диг.	ир.	диг.
NOM	<i>æз</i>	<i>æз</i>	<i>ды</i>	<i>ду</i>
GEN	<i>мæн</i>	<i>мæн</i>	<i>дæу</i>	<i>дæу</i>
DAT	<i>мæн-æн</i>	<i>мæн-æн</i>	<i>дæу-æн</i>	<i>дæу-æн</i>
ALL	<i>мæн-мæ</i>	<i>мæн-мæ</i>	<i>дæу-мæ</i>	<i>дæу-мæ</i>
ABL	<i>мæн-æй</i>	<i>мæн-æй</i>	<i>дæу-æй</i>	<i>дæу-æй</i>
IN	–	–	–	–
SUPER	<i>мæн-ыл</i>	<i>мæн-бæл</i>	<i>дæу-ыл</i>	<i>дæу-бæл</i>
EQU	<i>мæн-ау</i>	<i>мæн-ау</i>	<i>дæу-ау</i>	<i>дæу-ау</i>
COMIT	<i>мæн-имæ</i> <i>мемæ</i>	–	<i>дæу-имæ</i> <i>демæ</i>	–

Личные местоимения 1 и 2 лица множественного числа склоняются так же, как существительные, за исключением того, что форма генитива у них совпадает с формой номинатива.

Склонение личных местоимений 1 и 2 лица множественного числа

Падеж	<i>мах</i> 'мы'		<i>сымах/сумах</i> 'вы'	
	ир.	диг.	ир.	диг.
NOM	<i>мах</i>	<i>мах</i>	<i>сымах</i>	<i>сумах</i>
GEN	<i>мах</i>	<i>мах</i>	<i>сымах</i>	<i>сумах</i>
DAT	<i>мах-æн</i>	<i>мах-æн</i>	<i>сымах-æн</i>	<i>сумах-æн</i>
ALL	<i>мах-мæ</i>	<i>мах-мæ</i>	<i>сымах-мæ</i>	<i>сумах-мæ</i>
ABL	<i>мах-æй</i>	<i>мах-æй</i>	<i>сымах-æй</i>	<i>сумах-æй</i>
IN	–	–	–	–
SUPER	<i>мах-ыл</i>	<i>мах-бæл</i>	<i>сымах-ыл</i>	<i>сумах-бæл</i>
EQU	<i>мах-ау</i>	<i>мах-ау</i>	<i>сымах-ау</i>	<i>сумах-ау</i>
COMIT	<i>мах-имæ</i> <i>немæ</i>	–	<i>сымах-имæ</i> <i>уемæ</i>	–

Указательные местоимения в обоих диалектах имеют нерегулярные изменения основы в дативе, аблативе и инессиве. Кроме того, в иронском диалекте у них совпадают формы номинатива и генитива, а в дигорском формы номинатива и генитива указательного местоимения дальнего плана являются супплетивными.

Таблица 5

Склонение указательных местоимений единственного числа

Падеж	<i>ай</i> 'этот'		<i>уый</i> 'тот'	
	ир.	диг.	ир.	диг.
NOM	<i>а, ай</i>	<i>а, айæ</i>	<i>уый</i>	<i>йе</i>
GEN	<i>ай</i>	<i>ай</i>	<i>уый</i>	<i>уой</i>
DAT	<i>ам-æн</i>	<i>ам-æн</i>	<i>уым-æн</i>	<i>уом-æн</i>
ALL	<i>а-мæ</i>	<i>а-мæ</i>	<i>уы-мæ</i>	<i>уо-мæ</i>
ABL	<i>ам-æй</i>	<i>ам-æй</i>	<i>уым-æй</i>	<i>уом-æй</i>
IN	<i>ам</i>	<i>ам-и</i>	<i>уым</i>	<i>уом-и</i>
SUPER	<i>а-уыл</i>	<i>а-бæл</i>	<i>у(ы)-уыл</i>	<i>уо-бæл</i>
EQU	<i>а-йау</i>	<i>а-йау</i>	<i>уы-йау</i>	<i>уо-йау</i>
COMIT	<i>а-имæ</i>	–	<i>уы-имæ</i>	–

Множественное число указательных местоимений в иронском образуется нерегулярно, но склоняется регулярным образом, не считая того, что показатель генитива *-ы* факультативен (т. е. генитив может выражаться либо так же, как номинатив, либо самостоятельной формой), см. таблицу 6. В дигорском склонение указательных местоимений во множественном числе нерегулярно и в целом соответствует их склонению в единственном числе в плане противопоставления прямой и косвенной основ, за исключением того, что генитив маркирован показателем *-и* и экватив образуется не от косвенной основы, а от формы генитива.

В иронском употребляются также формы «двойного» множественного числа *адæттæ*, *уыдæттæ*, обладающие ассоциативным значением ('эти / те и им подобные').

Склонение указательных местоимений множественного числа

Падеж	адон/атæ 'эти'		уыдон/йетæ 'те'	
	ир.	диг.	ир.	диг.
NOM	адон	атæ	уыдон	йетæ
GEN	адон(-ы)	ан-и	уыдон(-ы)	уон-и
DAT	адон-æн	ан-æн	уыдон-æн	уон-æн
ALL	адон-мæ	ан-æмæ	уыдон-мæ	уон-æмæ
ABL	адон-æй	ан-æй	уыдон-æй	уон-æй
IN	адон-ы	ан-æми	уыдон-ы	уон-æми
SUPER	адон-ыл	ан-æбæл	уыдон-ыл	уон-æбæл
EQU	адон-ау	ани-ау	уыдон-ау	уони-ау
COMIT	адон-имæ	–	уыдон-имæ	–

Вопросительные местоимения и производные от них (неопределенные, универсальные, отрицательные) в обоих диалектах имеют форму генитива, отличную как от номинатива, так и от косвенной основы (особенно это заметно в дигорском, где форма генитива содержит гласную *e*, отсутствующую в основах всех падежей, кроме экватива).

Таблица 7

Склонение вопросительных местоимений единственного числа

Падеж	чи/ка 'кто'		цы/ци 'что'	
	ир.	диг.	ир.	диг.
NOM	чи	ка	цы	ци
GEN	кай	ке	цай	цей
DAT	каем-æн	каем-æн	цаем-æн	цаем-æн
ALL	ка-мæ	ка-мæ	ца-мæ	ца-мæ
ABL	каем-æй	каем-æй	цаем-æй	цаем-æй
IN	каем	каем-и	цаем	цаем-и
SUPER	ка-уыл	ка-бæл	ца-уыл	ца-бæл
EQU	ка-йау	ке-йау	ца-йау	ца-йау
COMIT	ка-имæ чæмæ	–	ца-имæ	–

Весьма нерегулярно образование форм множественного числа вопросительных местоимений (таблица 8): в отличие от существительных, показатель числа следует за показателем падежа, причем в номинативе имеет форму *-тæ*, а во всех остальных падежах – *-ты/-ти*.

Такой способ образования множественного числа встречается также у некоторых других слов. В частности, так образуются формы мн. ч. наречия *афтæ* 'так', употребляемого также в форме *афтæм-æй* (так-ABL); морфологическая форма мн. ч. от этой падежной формы имеет вид *афтæм-æй-ты* (так-ABL-PL.OBL). Кроме того, в иронском диалекте встречаются формы указательных местоимений, образованные этим способом

Склонение вопросительных местоимений множественного числа

Падеж	читæ/катæ ‘кто (мн.ч.)’		цйтæ/цитæ ‘что (мн.ч.)’	
	ир.	диг.	ир.	диг.
NOM	чи-тæ	ка-тæ	цы-тæ	ци-тæ
GEN	кæй-ты	ке-ти	цæй-ты	ци-ти цæй-ти
DAT	кæм-æн-ты	кæм-æн-ти	цæм-æн-ты	цæм-æн-ти
ALL	кæ-мæ-ты	кæ-мæ-ти	цæ-мæ-ты	цæ-мæ-ти
ABL	кæм-æй-ты	кæм-æй-ти	цæм-æй-ты	цæм-æй-ти
IN	кæм-ы-ты	кæм-и-ти	цæм-ы-ты	цæм-и-ти
SUPER	кæ-уыл-ты	кæ-бæл-ти	цæ-уыл-ты	цæ-бæл-ти
EQU	кæ-йау-ты	ке-йау-ти ке-ти-ау	цæ-йау-ты	цæ-йау-ти ци-ти-ау
COMIT	кæ-имæ-ты	–	цæ-имæ-ты	–
	чæмæ-ты			

(при наличии более употребимых форм мн. ч., образованных от основ *адон*, *уыдон*), например:

- (1) Дыууæ аз-ы фæстæ та мæ фæндаг **у-уыл-ты**
 два год-GEN после CONTR 1SG.POSS дорога DIST-SUPER-PL.OBL
 уыд...
 быть[PST.INTR.3SG]
 ‘Два года спустя моя дорога шла через **то** (же) **место**...’ (ОНК: Мах дуг 10, 2006).
- (2) Æмæ ам-ы-ты раг-æй дæр кæн-ынц харбыз-ы куыст.
 и PROX-IN-PL.OBL давно-ABL ADD делать-PRS.3PL арбуз-GEN работа
 ‘И в этих местах давно занимаются выращиванием арбуза’ (ОНК: Мах дуг 12, 2008).

Употребление этих форм вместо более частотных вариантов связано с особым значением множественного числа. В (1) представлен стандартный для осетинского языка способ выражения пролатива при помощи формы множественного числа в пространственном падеже [Arkhangelsky, Belyaev 2011], в (2) форма *амыты* не имеет множественного референта, а скорее употребляется ассоциативно (‘здесь и в окрестности’). В обоих примерах замена представленных форм на регулярные невозможна.

Склонение рефлексивного местоимения (*йæ*)*хи* / (*æ*)*хе* (где *йæ/æ* – посессивная проклитика, обозначающая лицо и число контролера) напоминает склонение указательных местоимений с двумя отличиями: отсутствует форма номинатива⁴ и в дативе и аблативе вставляется не /м/, а /ц/. Кроме того, в иронском форма инэссива совпадает с формой генитива, а в дигорском имеет вид (*æ*)*хеми*, что явно является влиянием склонения указательных и вопросительных местоимений.

⁴ Формы (*йæ*)*хæдæг* / (*йæ*)*хуæдæг*, которые в грамматиках обычно называют формами именительного падежа возвратных местоимений, в действительности едва ли можно отнести к той же парадигме, как с морфологической точки зрения, так и с синтаксической: эти формы никогда не функционируют как собственно рефлексивы и употребляются только в значении интенсификатора (ср. русск. *сам* vs. *себя*).

Склонение рефлексивного местоимения

Падеж	(йæ)хи/(æ)хе ‘(он) сам’	
	ир.	диг.
NOM	–	–
GEN	хи	хе
DAT	хиц-æн	хец-æн
ALL	хи-мæ	хе-мæ
ABL	хиц-æй	хец-æй
IN	хи	хем-и
SUPER	хи-уыл	хе-бæл
EQU	хи-йау	хе-йау
COMIT	хи-имæ	–

Реципрокальное (взаимное) местоимение *караедзи / караедзе* ‘друг друга’ в иронском склоняется как существительное, а в дигорском – по местоименному типу. Единственной его особенностью является отсутствие формы номинатива и наличие в иронском двух форм генитива – маркированной и немаркированной. Правила употребления этих двух форм будут рассмотрены ниже.

Таблица 10

Склонение реципрокального местоимения

Падеж	<i>караедзи / караедзе</i> ‘друг друга’	
	ир.	диг.
NOM	–	–
GEN	<i>караедзи</i> <i>караедзи-йы</i>	<i>караедзе-й</i>
DAT	<i>караедзи-йæн</i>	<i>караедзем-æн</i>
ALL	<i>караедзи-мæ</i>	<i>караедзе-мæ</i>
ABL	<i>караедзи-йæ</i>	<i>караедзем-æй</i>
IN	<i>караедзи-йы</i>	<i>караедзем-и</i>
SUPER	<i>караедзи-йыл</i>	<i>караедзе-бæл</i>
EQU	<i>караедзи-йау</i>	<i>караедзе-йау</i>
COMIT	<i>караедзи-имæ</i>	–

В осетинском также имеется набор энклитических местоимений второй позиции всех лиц и всех падежей, кроме номинатива, экватива и комитатива. Все их формы нерегулярны. Форма генитива энклитических местоимений используется только в тех случаях, когда генитив приписывается на уровне клаузы (как правило, в позиции прямого объекта), т. е. применной посессор при помощи энклитик не выражается. Некоторые из форм 3 лица имеют два варианта, употребляющиеся после согласных и гласных.

Энклитические местоимения

Падеж	1 лицо		2 лицо		3 лицо	
	ир.	диг.	ир.	диг.	ир.	диг.
NOM	–	–	–	–	–	–
GEN	мæ	мæ	дæ	дæ	æй, йæ	æ(й)
DAT	мын	мин	дын	дин	(й)ын	(й)ин
ALL	мæм	мæмæ	дæм	дæмæ	(й)æм	(й)имæ
ABL	мæ	ми	дæ	ди	дзы	си, дзи
IN	мæ	ми	дæ	ди	дзы	си, дзи
SUPER	мыл	мæбæл	дыл	дæбæл	(й)ыл	ибæл
EQU	–	–	–	–	–	–
COMIT	–	–	–	–	–	–

3. СЛОЖНЫЕ СЛУЧАИ ПАДЕЖНОГО МАРКИРОВАНИЯ

3.1. Групповая флексия

В осетинском языке, как и во многих других языках, обладающих агглютинативной именной морфологией, наблюдается явление так называемой групповой флексии⁵ (впервые описана, по-видимому, в [Lewis 1967], где предложен англоязычный термин «suspended affixation»). Если падеж приписывается некоторой сочинительной ИГ, то он может либо маркировать каждый из конъюнктов, либо маркировать только последний из них. При этом другие словоизменительные показатели, например множественное число, не могут употребляться как групповые аффиксы:

- (3) а. Зауыр(-æн) æмæ Алан-æн
 Заур(-дат) и Алан-дат
 ‘Зауру и Алану’
 б. æфсымæр æмæ хо-тæ
 брат и сестра-PL
 ‘брат и сестры’, *‘братья и сестры’

Необычным образом групповая флексия себя ведет с личными местоимениями 1 и 2 лица: если такие местоимения находятся в позиции непоследнего конъюнкта, то они должны стоять в форме генитива, а не номинатива:

- (4) мæн / *æз æмæ Зауыр-æн
 1SG.GEN 1SG.NOM и Заур-дат
 ‘мне и Зауру’

⁵ Представляется, что приведенные выше парадигмы достаточно ясно показывают, что падежные показатели в осетинском языке являются аффиксами, а не клитиками. Особо следует обратить внимание на нерегулярности в склонении личных и указательных, а также энклитических местоимений. Подобные нерегулярности в осетинском языке на стыке словоформ не встречаются. Другим аргументом в пользу аффиксального статуса падежей является тот факт, что палатализация конечной согласной основы в иронском мотивирована морфологически: она происходит только перед генитивом и инэссивом (-ы), но не перед суперэссивом (-ыл), хотя оба показателя начинаются на одну и ту же гласную фонему *ы*.

Падежный аффикс обязательно должен находиться в конце всей сочинительной группы, т. е. перестановка элементов в (4) неграмматична:

- (5) *Зауыр-ән æмæ мæн
 Заур-DAT и я.GEN
 ('Зауру и мне')

В дигорском диалекте так же ведут себя указательные местоимения единственного и множественного числа:

- (6) Уой / *йе æма Алан-ән сæ хæдзарæ æгæр минкы
 диг. DIST.GEN DIST.NOM и Алан-DAT 3PL.POSS дом очень маленький
 æй.
 быть.PRS.3SG
 'Его с Аланом дом очень маленький'.

- (7) Уони / *йе-тæ æма Аланән сæ хæдзарæ æгæр минкы æй.
 диг. DIST.PL.GEN DIST-PL
 'Их с Аланом дом очень маленький'.

Это явление нельзя отнести к известному по другим языкам «несбалансированному сочинению» (unbalanced coordination) [Johannessen 1998]. При «несбалансированном сочинении» мы бы ожидали, что, поскольку падеж непоследним конъюнктам приписывается самой сочинительной конструкцией (или каким-то образом недоступен для внешнего приписывания падежа), подобные парадоксы будут присутствовать и в том случае, если вся сочиненная составляющая стоит в номинативе (ср. англ. *She and him will drive to the movies* [Johannessen 1998: 16]). В осетинском такого не наблюдается:

- (8) æз / *мæн æмæ Зауыр
 1SG.NOM 1SG.GEN и Заур
 'я и Заур'

Таким образом, это явление в осетинском языке связано именно с приписыванием косвенного падежа всей сочинительной группе и распределением маркируемых признаков по конъюнктам.

Аналогичным образом ведут себя рефлексивные местоимения, у которых форма номинатива вообще отсутствует:

- (9) Уый та сæ-хи æмæ Хуыцау-æй дарддæр ни-чи зон-ы.
 DIST CONTR 3SG.POSS-REFL и Бог-ABL кроме NEG-кто знать-PRS.3SG
 'А этого никто не знает, кроме него и Бога' (Б.М. Гусалов. И воздастся каждому).

При числительных, напротив, всегда используется форма аднумеративного «генитива» (реально в дигорском выполняющая функцию номинатива, а в иронском – как генитива, так и номинатива):

- (10) Чи мæ с-уазæг кæн-дзæн фондз туман-ы / *туман
 кто.NOM 1SG.ENCL.GEN PV-гость делать-FUT[3SG] пять червонец-GEN червонец
 æмæ æхсæз сом-имæ?
 и шесть рубль-СОМТ
 'Кто меня примет с пятью червонцами и шестью рублями?' (Мах дуг 6, 2007)

- (11) Дууæ горæт-и / *горæт /*горæт-е-й æма æртæ гъæу-ем-и цирагъ
 диг. два город-GEN город город-NUM-GEN и три село-NUM-IN свет
 ни-ххусс-ун код-т-онцæ.
 PV-спать-INF делать-TR-PST.3PL
 'В двух городах и в трех селах отключили электричество'.

Другие имена при групповой флексии стоят в форме номинатива. Исключение составляют вопросительные слова и производные от них местоимения, которые вообще не могут участвовать в групповой флексии:

- (12) кæм-æй / *кæй / *чи æмæ цæм-æй?
 КТО-ABL КТО.GEN КТО.NOM и ЧТО-ABL
 ‘от кого и от чего [ты убежал?]
- (13) ал-кæм-æн / *ал-кæй / *ал-чи æмæ ал-цæм-æн?
 UNIV-КТО-DAT UNIV-КТО.GEN UNIV-КТО.NOM и UNIV-ЧТО-DAT
 ‘всем и всему’

Ранее предлагалось анализировать примеры, подобные (4), как «эллипсис на уровне морфологии» [Erschler 2012], т. е. постсинтаксическое удаление падежных аффиксов со всех сочиненных составляющих, кроме последней. Такой анализ не является оптимальным по двум причинам. Во-первых, не всегда чистая основа, к которой присоединяется падеж, может служить первым конъюнктом в сочинительной конструкции. Например, *уым* формально является как формой инессива местоимения *уый*, так и косвенной основой для формы датива *уымæн*, однако в групповой флексии фигурировать не может:

- (14) уый / *уым æмæ Зауыр-æн
 DIST DIST.IN и Зауыр-DAT
 ‘ему и Зауру’

Во-вторых, не всегда первый конъюнкт является основой, к которой присоединяется групповой падежный показатель. Это видно из (6)–(7) и (10)–(11). И если примеры (6)–(7) можно было бы объяснить действием особых морфонологических правил, применимых именно к данным местоимениям (что само по себе, впрочем, нежелательно, тем более что для демонстративов и рефлексива эти правила окажутся различными), то едва ли в примерах (10)–(11) можно говорить о том, что после «эллипсиса» падежных показателей, соответственно *-имæ* в иронском и *-еми* в дигорском, на их месте возникает показатель генитива *-ы/-и*, в нормальном случае у существительных при групповой флексии недопустимый.

Кроме того, вызывает вопрос сама целесообразность постулирования постсинтаксического правила, имеющего доступ к морфологической структуре слов, при этом не подчиняющегося обычным правилам эллипсиса (так, допускается только эллипсис предшествующих показателей, тогда как обычно эллипсису подвергаются составляющие, линейно следующие за сохраняемой). Такое правило было бы более оправданным, если бы проявлялось в разных местах осетинской грамматики; однако никаких примеров «морфологического эллипсиса» за пределами падежной флексии обнаружить не удалось.

Таким образом, падежное маркирование при групповой флексии в осетинском языке пока что не нашло удовлетворительного объяснения.

3.2. Предлог *æнæ*

В осетинском языке имеется всего один широко употребительный предлог – *æнæ* ‘без’⁶. Этот предлог может управлять аблативом, номинативом и генитивом. При этом

⁶ Анонимный рецензент указывает, что в осетинском языке имеется еще один предлог, – *æд* ‘с’. Действительно, традиционно этот показатель принято относить к предлогам, однако имеются факты, заставляющие усомниться в таком подходе. Во-первых, в отличие от *æнæ*, *æд* не может оформлять составляющие: ср. *æдсауджын* ‘со священником’ (из ОНК), но **æдхорз сауджын* (предполагаемый перевод: ‘с хорошим священником’). Во-вторых, продуктивность *æд* в современном языке ограничена: он в основном используется в лексикализованных контекстах, его употребление с произвольными именами невозможно. Показательно, что приведённый выше пример *æдсауджын* взят из сборника пословиц, т. е. заведомо относится к архаичному варианту языка. В-третьих, *æд* несовместим с местоимениями: **æд-мæн*, **æд-æз* (‘со мной’), **æд-ды*, **æд-дæу* (‘с тобой’). Представляется, что показатель *æд* в осетинском языке правильнее считать не предлогом, а префиксом. Впрочем, даже если считать *æд* предлогом, это никак не влияет на предложенный анализ, т. к. этот показатель никогда не приписывает косвенных падежей.

аблатив приписывается зависимым любых типов (15), тогда как номинатив и генитив распределены следующим образом: номинатив приписывается существительным (16а), а генитив – личным местоимениям первого и второго лица единственного числа (16б).

- (15) а. æнаæ Зауыр-æй
 без Заур-ABL
 ‘без Заура’
 б. æнаæ мæн-æй
 без я-ABL
 ‘без меня’
- (16) а. æнаæ Зауыр / *Зауыр-ы
 без Заур Заур-GEN
 ‘без Заура’
 б. æнаæ мæн / *æз
 без я.GEN я.NOM
 ‘без меня’

В дигорском диалекте генитив также может приписываться местоимениям 3 лица:

- (17) Æнаæ **уони** Таухуæрæн-и фиййау-т-æн æхсæвæ нæ
 диг. без DIST.PL.GEN осенняя_пастьба-GEN пастух-PL-DAT ночь NEG
 феда-уй...
 приличествовать-PRS.3SG
 ‘Без **них** пастухам осеннего пастбища ночевать не положено’ (Т.У. Бесаев. Родник жизни. Владикавказ, 2002).

Таким образом, распределение номинатива и генитива у зависимых предлога *æнаæ* полностью совпадает с соответствующим распределением при групповой флексии. Этот факт едва ли можно считать случайным, но в рамках традиционного подхода к осетинской падежной системе он не находит объяснения, если только не считать, что правила приписывания падежа предлогом различны в зависимости от управляемой лексемы.

3.3 Маркирование прямого объекта

В осетинском языке прямой объект может маркироваться либо номинативом, либо генитивом. Основной фактор, влияющий на выбор показателя, – одушевленность. Существительные, обозначающие людей, маркируются генитивом, за исключением нереперентных употреблений [Выдрин 2013], неодушевленные же существительные всегда маркируются номинативом:

- (18) а. Æз фед-т-он иу лæдж-ы / *лæг.
 1SG.NOM видеть.PFV-TR-PST.1SG один человек-GEN человек
 ‘Я видел одного **человека**’.
 б. Лæг а-мард-т-ой æмæ а-лыгъд-ысты Дыгур-æй.
 человек PV-убить-TR-PST.3PL и PV-бежать-PST.INTR.3PL дигорцы-ABL
 ‘Они убили **человека** и переселились из дигорских районов’ (ОНК, пример из [Выдрин 2013]).
 в. Æз фед-т-он стьол / *стьол-ы.
 1SG.NOM видеть.PFV-TR-PST.1SG стол стол-GEN
 ‘Я видел **стол**’.

С именами, обозначающими животных, возможны оба варианта маркирования, и выбор между ними определяется иными факторами, которые не представляют интереса в рамках настоящей статьи.

Если в позиции прямого объекта находится личное или указательное местоимение, то оно маркируется генитивом вне зависимости от одушевленности. В иронском

диалекте это не очень заметно, поскольку употребление генитива с местоимениями 1 и 2 лица можно объяснить одушевленностью их референтов, а указательные местоимения не различают номинатив и генитив. Однако это видно по употреблению клитик: при том что номинативная клитика в осетинском языке отсутствует, генитивная клитика используется для маркирования любых прямых объектов, вне зависимости от одушевленности:

- (19) – Фед-т-ай маэ ног **стъл?**
 видеть.PFV-TR-PST.2SG 1SG.POSS новый стол
 – О, æз **æй** фед-т-он.
 да 1SG.NOM 3SG.ENCL.GEN видеть.PFV-TR-PST.1SG
 ‘Ты видел мой новый **стъл** (NOM)? – Да, я **его** (GEN) видел.’

В дигорском диалекте указательные местоимения противопоставляют номинатив и генитив, и в позиции прямого объекта употребляется именно генитив:

- (20) ...евгъуд анз-и нæ газет-и ни-ммухур код-т-ан, нæ зундгонд
 диг. прошлый год-IN 1PL.POSS газета-IN PV-печатать делать-TR-PST.1PL 1PL.POSS известный
 ахургонд Гардан-т-и Михал 1901–1903 æнз-т-и ци къæлиндар
 ученый Гарданов-PL-GEN Михаил год-PL-IN что календарь
 ис-арæз-т-а, **уой.**
 PV-строить-TR-PST.3SG DIST.GEN
 ‘...в прошлом году мы напечатали в нашей газете **тот** календарь, который наш известный ученый Михаил Гарданов составил в 1901–1903 гг.’ (Дигораэ № 2, 2006, «Бæрæгбон æгъдауæй фæдауæ»).

Таким образом, для личных и указательных местоимений требуются другие правила приписывания падежа в позиции прямого объекта, чем для существительных. Если существительные в этой позиции могут использоваться как в форме номинатива, так и в форме генитива, то личные и указательные местоимения могут использоваться только в форме генитива; тем самым у местоимений функции номинатива ограничиваются маркированием подлежащего.

3.4. Маркирование посессора: местоимение *кæрæдзи*

Поведение реципрокального местоимения *кæрæдзи* ‘друг друга’ в иронском диалекте в отношении падежного маркирования практически полностью противоположно поведению личных местоимений. Оно не может употребляться в субъектной позиции, однако имеет две формы, относимые к генитиву: немаркированную *кæрæдзи* и маркированную *кæрæдзи-йы*. Они не находятся в свободной дистрибуции: первая употребляется только при маркировании прямого объекта, вторая же, помимо прямого объекта, может также обозначать приименной посессор:

- (21) а. Зауыр æмаэ Залина **кæрæдзи** / **кæрæдзи-йы** уарз-ынц.
 Заур и Залина RECP RECP-GEN любить-PRS.3PL
 ‘Заур и Залина любят друг друга’.
 б. **Кæрæдзи-йы** / ***кæрæдзи** къух-тæ ра-йст-ой ...
 RECP-GEN RECP рука-PL PV-взять-PST.TR.3PL
 ‘(Они) взяли друг друга за руки (букв. «взяли руки друг друга») ...’ (Мах дуг 7, 2006)

Таким образом, у местоимения *кæрæдзи* имеется специализированная форма, употребляемая только в позиции прямого объекта, что несовместимо с традиционным анализом осетинской падежной системы.

Подытожим употребление падежей в четырех рассмотренных конструкциях в следующей таблице (частично ссылающейся на данные, которые будут представлены ниже):

Употребление падежных форм в вышеописанных конструкциях

	сущ.	мест. ⁷	вопр.	<i>караэди</i>	ЭНКЛИТИКИ
групповая флексия	NOM *GEN	*NOM GEN	*NOM *GEN	ʔ ⁸	n/a
объект <i>генэ</i>	NOM *GEN ABL	*NOM GEN ABL	*NOM *GEN ABL	OBL ⁹ *GEN ABL	n/a
посессор	GEN	GEN	GEN	GEN	n/a
прямое дополнение	NOM GEN	*NOM GEN	NOM ¹⁰ GEN	OBL GEN	(*NOM) GEN

Как видно из таблицы, при традиционном описании осетинской падежной системы неизбежно постулирование различных правил употребления падежей для разных зависимых лексем. Возможен, однако, альтернативный подход, при котором эти различия следуют из различий в структуре парадигм этих единиц.

4. АНАЛИЗ

Я предлагаю считать, что традиционная категория падежа в осетинском языке в действительности состоит из двух категорий, которые можно назвать «морфологический падеж» (МП) и «групповой падеж» (ГП). Первая имеет только два значения: ректус (DIR) и обликвус (OBL). Вторая обладает значениями всех традиционно выделяемых падежных граммем, кроме номинатива. Наличие ГП требует, чтобы МП имел значение [OBL]¹¹:

Таблица 13

Разложение падежей на две категории

	МП	ГП
NOM	DIR	_12
GEN	OBL	GEN
DAT	OBL	DAT
...		

⁷ Местоимения 1 и 2 л. ед. ч. в обоих диалектах, а также 3 л. ед. и мн. ч. в дигорском диалекте.

⁸ Примеры, в которых реципрокальное местоимение употреблялось бы при групповой флексии, малоприемлемы, скорее всего, по прагматическим причинам.

⁹ Подразумевается немаркированная форма *караэди*, считать которую номинативом не позволяет ее функция (маркирование прямого дополнения, но не подлежащего).

¹⁰ Анализ форм вопросительных местоимений в функции прямого объекта неясен. На первый взгляд, употребление *цы* 'что' и *кай* 'кто.GEN' в этой функции соответствует распределению номинатива и генитива у существительных в соответствии с одушевленностью. Однако *кай* может также употребляться в относительных предложениях в функции **неодушевленного** прямого дополнения [Беляев 2014]. В связи с этим для вопросительных местоимений следует, возможно, говорить не о номинативе и генитиве, а о специальных объектных формах.

¹¹ Единичные падежные значения указываются в квадратных скобках, пары «МП – ГП» – в угловых.

¹² Я условно обозначаю длинным тире отсутствие признака как такового, а символом пустого множества (∅) – немаркированность словоформы по этому признаку.

Формально два вида падежа отличаются тем, что первый присваивается отдельным словам, а второй – целым составляющим. Поскольку сочинительная конструкция представляет собой именную группу, состоящую из нескольких других именных групп, то ГП может маркировать как отдельные группы «нижнего уровня», так и всю сочинительную группу:

- (22) а. $[_{NP} [_{NP} N.OBL]-ГП \text{ æмæ } [_{NP} N.OBL]-ГП]$
 б. $[_{NP} [_{NP} N.OBL] \text{ æмæ } [_{NP} N.OBL]]-ГП$

В конструкциях с групповой флексией существительные и местоимения могут участвовать постольку, поскольку не полностью специфицированы по МП и ГП. Так, парадигма существительных имеет следующую структуру:

Таблица 14

Структура именной парадигмы

	ед. ч.	МП	ГП	мн. ч.	МП	ГП
NOM	<i>хæдзар</i>	∅	∅	<i>хæдзар-ттæ</i>	∅	∅
GEN	<i>хæдзар-ы</i>	OBL	GEN	<i>хæдзар-тт-ы</i>	OBL	GEN
DAT	<i>хæдзар-æн</i>	OBL	DAT	<i>хæдзар-тт-æн</i>	OBL	DAT
ALL	<i>хæдзар-мæ</i>	OBL	ALL	<i>хæдзар-тт-æм</i>	OBL	ALL
		

То есть форма «номинатива» *хæдзар* вообще не специфицирована по падежу, тогда как остальные формы в парадигме полностью специфицированы как по МП, так и по ГП. Субъектная позиция требует МП, равный [DIR]; возможность употребления словоформы *хæдзар* обеспечивается применением так называемого принципа Панини (elsewhere principle, [Anderson 1969]), который состоит в том, что для удовлетворения некоторого синтаксического условия всегда выбирается та форма в парадигме, которая в наибольшей степени соответствует этому условию. В парадигме слова *хæдзар* нет специализированной формы для прямого падежа, поэтому выбирается немаркированная форма как единственная не противоречащая спецификации <DIR; —>.

Неспецифицированность формы *хæдзар* обеспечивает то, что она может употребляться при групповой флексии: ведь, как видно из схемы (22б), первый конъюнкт не может иметь ГП и должен иметь МП, равный [OBL]. В соответствии с тем же принципом максимальной спецификации немаркированная словоформа в данном контексте допустима. Если бы номинатив существительных был полностью маркирован по падежу, он не мог бы участвовать в групповой флексии, так как его спецификация противоречила бы условию маркирования составляющей косвенным падежом.

Иначе устроена парадигма личных местоимений: они обладают маркированным номинативом, форма же «генитива» в действительности является немаркированным обликвусом, который употребляется в качестве родительного падежа только по причине отсутствия в парадигме специализированной формы:

Таблица 15

Структура парадигмы местоимения æз ‘я’

		МП	ГП
NOM	<i>æз</i>	DIR	—
GEN	<i>мæн</i>	OBL	∅
DAT	<i>мæн-æн</i>	OBL	DAT
ALL	<i>мæн-мæ</i>	OBL	ALL
	...		

Это объясняет то, почему форма *æz* используется только в позиции субъекта, но не при групповой флексии, и то, почему *mæn* используется при групповой флексии: если бы это была полностью специфицированная форма генитива, она вела бы себя, как генитив существительного, т. е. могла бы употребляться только в синтаксических контекстах, требующих именно родительного падежа.

Парадигма рефлексивных местоимений имеет ту же структуру, что и парадигма личных местоимений, однако не содержит формы номинатива.

Таблица 16

Структура парадигмы рефлексивного местоимения

		МП	ГП
NOM	–		
GEN	<i>xu/xæ</i>	OBL	∅
DAT	<i>xuŋ-æŋ</i>	OBL	DAT
ALL	<i>xu-mæ</i>	OBL	ALL
...			

Указательные местоимения в дигорском диалекте устроены так же, как личные. В иронском же форма *уый* ‘тот’ не специфицирована по падежу, так же как номинатив существительных; однако, поскольку специализированной формы генитива в парадигме нет, эта форма обслуживает как номинатив, так и родительный падеж.

Таблица 17

Структура парадигмы указательного местоимения *уый* ‘тот’

	ир.	МП	ГП	диг.	МП	ГП
NOM	<i>уый</i>	∅	∅	<i>йе</i>	DIR	–
GEN				<i>уой</i>	OBL	∅
DAT	<i>уым-æŋ</i>	OBL	DAT	<i>уом-æŋ</i>	OBL	DAT
ALL	<i>уы-mæ</i>	OBL	ALL	<i>уо-mæ</i>	OBL	ALL
...						

Вопросительные местоимения и производные от них не могут участвовать в групповой флексии, поскольку все их формы специфицированы как по МП, так и по ГП:

Таблица 18

Структура парадигмы вопросительного местоимения *чи/ка* ‘кто’

		МП	ГП
NOM	<i>чи/ка</i>	DIR	–
GEN	<i>кай/ке</i>	OBL	GEN
DAT	<i>каем-æŋ</i>	OBL	dat
ALL	<i>ка-mæ</i>	OBL	ALL
...			

Что касается групповой флексии при существительных, употребляемых с числительными, то наиболее адекватным решением будет считать, что как в иронском, так и

в дигорском форма «генитива», замещающая номинатив при числительных, совпадает с собственно родительным падежом чисто формально, тогда как в действительности является специализированной аднумеративной формой, не маркированной по падежу. Различие между диалектами состоит в том, что в дигорском особые аднумеративные формы имеются и для всех остальных падежей, тогда как в иронском для косвенных падежей используются обычные формы единственного числа (в том числе и форма генитива, так что при числительных номинатив и генитив совпадают). См. парадигму слова *бæх* ‘лошадь’ в таких сочетаниях, как *фондз бæх-ы* (пять лошадь-GEN) ‘пять лошадей’:

Таблица 19

Структура парадигмы существительного при числительном

	ир.	МП	ГП	диг.	МП	ГП
NOM	<i>бæх-ы</i>	Ø	Ø	<i>бæх-и</i>	Ø	Ø
GEN	<i>бæх-ы</i>	OBL	GEN	<i>бæх-ей</i>	OBL	GEN
DAT	<i>бæх-æн</i>	OBL	DAT	<i>бæх-емæн</i>	OBL	DAT
ALL	<i>бæх-мæ</i>	OBL	ALL	<i>бæх-емæ</i>	OBL	all
...						

Такой анализ позволяет избежать сложных правил приписывания генитива числительным и его «вытеснения» другими косвенными падежами в случае их наличия. Независимые доводы в пользу подобного решения мне неизвестны, тогда как постулирование особого «нумеративного» склонения в любом случае необходимо для дигорского диалекта, где особые формы имеют все падежи. Дополнительным аргументом в пользу такого анализа является также тот факт, что «генитив» при числительных может свободно сочиняться с номинативом, тогда как обычно конфликты падежей при сочинении в осетинском не допускаются:

- (23) Цыппар хо-йы æмæ иунаг æфсымæр уыд-ыстæм.
 четыре сестра-GEN и единственный брат быть-PST.INTR.1PL
 ‘Нас было четыре сестры и один брат’ (Мах дуг 12, 2006).

Двухуровневый анализ осетинской падежной системы также позволяет описать поведение предлога *æнæ*: достаточно считать, что он приписывает не родительный / именительный падежи, а падеж <OBL; —>. Тогда совершенно естественно, что у существительных и личных местоимений выбираются, соответственно, формы «номинатива» и «генитива» как единственные в парадигме, удовлетворяющие именно этому условию.

Такой анализ предлога *æнæ* предсказывает, что вопросительные местоимения и производные от них слова, все формы которых полностью специфицированы как по МП, так и по ГП, не могут употребляться с этим предлогом ни в номинативе, ни в генитиве, так как для этого в парадигме должны быть формы, не обладающие ГП. Это предсказание выполняется:

- (24) *æнæ *чи / *кæй / кæм-æй*
 без кто.NOM кто.GEN кто-ABL
 ‘без кого’

Кроме того, в пользу данного анализа говорит то, что в качестве зависимого предлога *æнæ* может употребляться сочиненная группа, состоящая из местоимения в генитиве и существительного в номинативе (25а), тогда как сочетать таким же образом аблатив и номинатив нельзя (25б). То есть с синтаксической точки зрения в (25а) обоим конъюнктам приписывается один и тот же падеж.

- (25) а. *æнæ* *мæн* *æмæ* Зауыр
 без 1SG.GEN и Заур
 б. **æнæ* *мæн-æй* *æмæ* Зауыр
 без 1SG.ABL и Заур
 ‘без меня и Заура’

Что касается маркирования прямого объекта, то я предлагаю считать, что выбор падежа производится не между номинативом и генитивом, как принято полагать, а между немаркированным обликвусом <OVL; —> и генитивом <OVL; GEN>. У существительных этому противопоставлению соответствуют формы «номинатива» и генитива, у личных местоимений же и у указательных местоимений в дигорском диалекте обем спецификациям соответствует форма «генитива». Энклитики не имеют ни формы номинатива, ни формы собственно генитива, а только форму обликвуса <OVL; —>, что и позволяет этой форме употребляться для маркирования как одушевленных, так и неодушевленных прямых объектов.

Наличие двух форм «генитива» и отсутствие формы номинатива в парадигме местоимения *кæрæдзи* ‘друг друга’ в иронском диалекте объясняется тем, что одна из этих форм является собственно генитивом, а другая – немаркированным обликвусом. Именно поэтому только первая (с показателем *-(й)ы*) может употребляться для маркирования приименного посессора¹³.

		МП	ГП
NOM	—		
GEN	<i>кæрæдзи</i>	OBL	∅
	<i>кæрæдзи-йы</i>	OBL	GEN
DAT	<i>кæрæдзи-йæн</i>	OBL	DAT
ALL	<i>кæрæдзи-мæ</i>	OBL	ALL
...			

Этот анализ подтверждается тем, что с предлогом *æнæ* может употребляться только форма *кæрæдзи* или аблатив, но не *кæрæдзийы* (*æнæ кæрæдзи* (OBL) / *кæрæдзи-йæ* (ABL) / **кæрæдзи-йы* (GEN) ‘друг без друга’), что следует из того, что предлог *æнæ* приписывает обликвус или аблатив, но не генитив и не номинатив.

Предложенное здесь разложение падежной системы на две подкатегории позволяет, таким образом, объяснить сразу несколько на первый взгляд независимых проблемных случаев приписывания падежа. Уже поэтому его следует предпочесть анализам, дающим непротиворечивое объяснение только части этих случаев.

Следует заметить, что в целом МП и ГП различаются не только на синтаксическом уровне, но и с точки зрения формального выражения: МП практически всегда выражается чистой основой имени/местоимения, тогда как в формах, маркированных по ГП, всегда присутствует падежный суффикс. Исключением является только идентичный генитиву единственного числа номинатив нумеративного склонения¹⁴. Эта корреляция является закономерной, ведь ГП является групповым аффиксом, а МП относится непосредственно к морфосинтаксическому слову, т. е. МП и синтаксически, и морфологически выражается ближе к именной вершине.

¹³ Неясно, однако, почему *кæрæдзи* может использоваться для прямого объекта, несмотря на то что он в данном случае чаще всего является одушевленным. Возможно, это связано с тем, что реципрокальное местоимение не имеет конкретного референта, относится сразу к двум участникам и поэтому необязательно воспринимается как одушевленное.

¹⁴ Скорее всего, первоначально в нумеративных группах вершиной было числительное, приписывающее генитив существительному. Впоследствии в иронском произошло аналогическое выравнивание склонения принумеративных существительных и обычного склонения существительных, а в дигорском развилось особое нумеративное склонение, в результате чего форма генитива была переосмыслена как форма «немаркированного номинатива».

5. ФОРМАЛИЗАЦИЯ

В этом разделе будет предложена формализация описанного выше анализа в терминах лексико-функциональной грамматики с использованием совместного выражения нескольких вершин, а также сопоставление этой формализации с двумя альтернативными подходами: классическим лексикализмом и распределенной морфологией.

5.1. Лексико-функциональная грамматика и совместное выражение нескольких вершин

Лексико-функциональная грамматика (ЛФГ) является формальной, лексикалистской, нетрансформационной теорией языка. Центральным постулатом ЛФГ служит противопоставление двух параллельных уровней языковой структуры – структуры составляющих (с-структуры) и функциональной структуры (f-структуры). Структура составляющих в ЛФГ отвечает исключительно за порядок слов и иерархическую организацию элементов высказывания. Синтаксические роли (подлежащее, прямое дополнение...), дискурсивные функции (топик, фокус) и грамматические категории слов относятся к f-структуре. Грамматика языка сводится к набору правил, задающих возможные с-структуры и принципы соответствия между ними и f-структурами¹⁵. Основные сведения о формализме ЛФГ содержатся в работах [Dalrymple 2001; Bresnan 2001; Falk 2001]. На русском языке краткие обзоры ЛФГ содержатся в [Казенин 2002; Беляев 2012; Беляев 2014].

ЛФГ выбрана мною в качестве формализма потому, что эта модель представляется по своим основным принципам наиболее близкой современной «типологически ориентированной» традиции описания языков. Иначе говоря, в ней формализуются те синтаксические понятия, которыми на практике пользуются большинство современных типологов и описательных лингвистов, но которые обычно не получают строгих определений: непосредственные составляющие, грамматические отношения (подлежащее, прямое дополнение) и проч. Использование ЛФГ, таким образом, позволяет достичь формальной строгости описания, не жертвуя при этом языковыми данными и не встраивая их в «прокрустово ложе» абстрактных концепций, не имеющих адекватного эмпирического подтверждения. Формализация для автора данной статьи – не самоцель, а метод, позволяющий в строгом и непротиворечивом виде формулировать конкретные языковые обобщения, сопоставимые с аналогичными обобщениями для других языков¹⁶, а также с выводами, полученными в функционально-типологических работах. Только после накопления подобных формальных анализов конкретных языков можно надеяться на создание общей лингвистической теории, ограничивающей и объясняющей языковое разнообразие.

Одним из центральных постулатов ЛФГ принято считать принцип лексикализма. Этот принцип в формулировке Дж. Бреснан [Bresnan 2001: 92] гласит:

Терминальными узлами дерева с-структуры являются морфологически полноценные слова, и каждое слово относится только к одному узлу дерева.

В такой формулировке этому принципу, однако, противоречат некоторые конструкции во многих языках мира: например, удинские эндоклитики [Harris 2002; Ганенков и др. 2012] и групповые аффиксы в агглютинативных языках. Чтобы объяснить такого рода случаи, М. Уэскоутом [Wescoat 2002; 2005] была предложена модификация формализма ЛФГ, которая позволяет одному слову соответствовать сразу нескольким синтаксическим узлам.

¹⁵ В современных работах по ЛФГ используется большее число параллельных структур: например, семантическая (s-структура), морфосинтаксическая (m-структура), информационная (i-структура) и др. Для данной статьи, однако, достаточно будет базовой архитектуры ЛФГ, состоящей из с- и f-структур, а также дополнительной l-структуры, о которой будет сказано ниже.

¹⁶ Причем необязательно выполненными в рамках того же формализма. Например, понятию передвижения в ЛФГ часто соответствует нахождение одной f-структуры в двух синтаксических позициях (structure sharing).

Суть данной концепции состоит в том, чтобы разделить уровень иерархической организации и линейного порядка составляющих и терминальных узлов (собственно с-структуру) и уровень, на котором задается линейный порядок слов (l-структура). Терминальным узлам с-структуры ставятся в соответствие элементы l-структуры путем функции $\lambda(x)$. Эта функция позволяет двум терминальным узлам дерева соответствовать одному слову в линейной структуре:

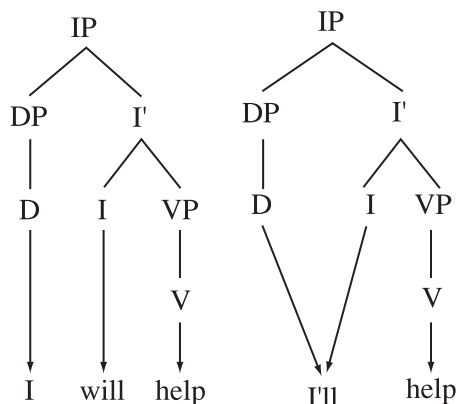

Рис. 1. Полный и краткий варианты вспомогательного глагола в английском языке

Конечно, возможности «неканонического» соответствия между с- и l-структурами должны быть ограничены. Недопустимой должна быть смена порядка узлов, т. е. непроективность:

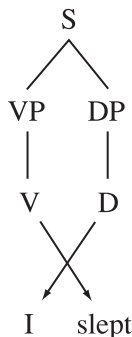

Рис. 2. Недопустимое соответствие слов вершинам

Для того чтобы исключить такого рода структуры, М. Уэскоут предлагает **аксиому сохранения порядка** (order preservation axiom):

Для любых терминальных узлов X и Y, если $\lambda(X)$ предшествует $\lambda(Y)$, то X предшествует Y.

Из этой аксиомы в сочетании с общими принципам организации с-структуры, как указывает М. Уэскоут, следует **теорема гомоморфического лексикализма** (homomorphic lexical integrity theorem): только последовательности соседних узлов могут иметь общее словесное выражение. Из этой теоремы следует вывод, что групповые аффиксы обязательно должны находиться с краю составляющей, к которой они присоединяются, причем с той стороны, где находится управляющая вершина. Так, предлагается считать, что слово, маркированное английским посессивным показателем 's, соответствует двум вершинам: N посессора и D обладаемого. Из этого следует, почему первая фраза грамматична, а вторая – нет:

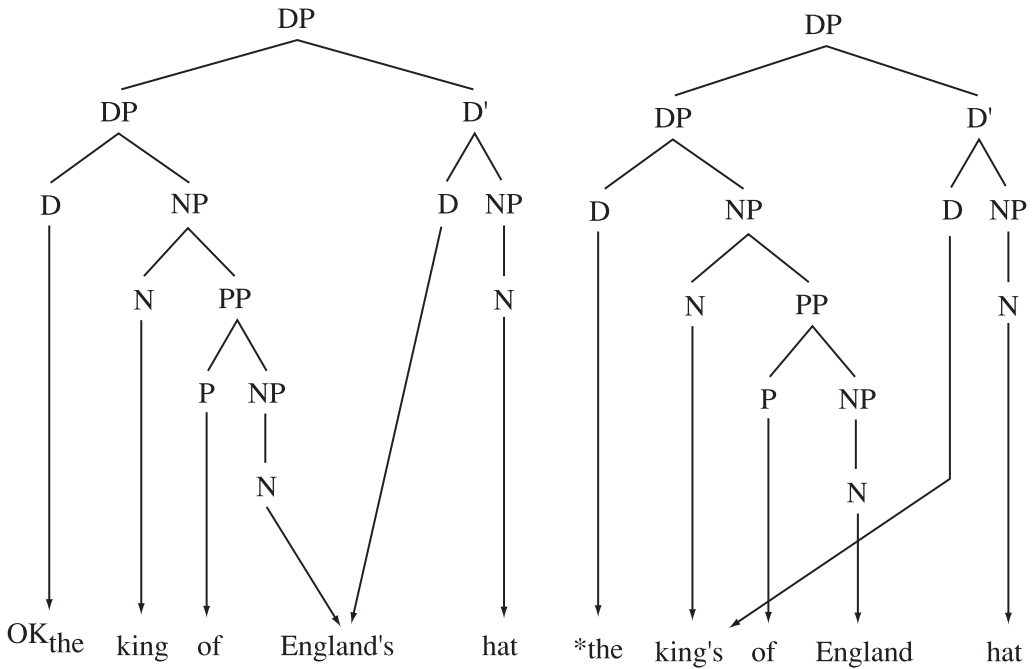

Рис. 3. С-структура именных групп с «саксонским генитивом» в английском языке

Для описания с-структур используются обычные правила контекстно-свободной грамматики (26). Для описания соответствий между с- и I-структурами применяются лексические дефиниции, в которых слева находится слово, а справа – вершины, которые оно заполняет (27).

(26) $DP \rightarrow D' NP$

- (27) a. $I \leftarrow D$
 b. $will \leftarrow I$
 c. $I'll \leftarrow D I$

Для интеграции этой концепции в систему ЛФГ достаточно считать, что соотношение ф ставит f-структуру в соответствие не только с-структуре, но также и I-структуре. Кроме того, удобно ввести новую метапеременную $\Downarrow \equiv \varphi(\lambda(*))$, т. е. обозначающую f-структуру слова, соответствующую данному терминальному узлу. Тогда дефиниции для «сложного» слова *I'll* и «простого» *will* будут иметь следующий вид:

(28) $I'll \leftarrow$

D	I
(\downarrow PRED) = 'PRO'	(\downarrow TNS) = FUT
$\Downarrow = \downarrow$	(\downarrow SUBJ) = \downarrow

(29) $will \leftarrow$

I
(\downarrow TNS) = FUT

В целом этот подход представляет собой некоторое отступление от принципов лексикализма, но не столь существенное, как может показаться. Действительно, основной тезис лексикализма – что слова полностью формируются вне синтаксиса и синтаксис не может апеллировать к их частям – продолжает действовать. Единственная инновация состоит в том, что отношение между словами и терминальными узлами дерева составляющих, прежде бывшее изоморфизмом, теперь является гомоморфизмом (т. е. сохраняется отношение порядка, но соответствие не является взаимно-однозначным). Это гораздо менее радикальное отступление от «сильного» варианта лексика-

лизма, чем такие теории, как распределенная морфология. При этом следует заметить, что немаркированной все равно является ситуация, когда одному терминальному узлу соответствует одно слово¹⁷.

Механизм, предложенный М. Уэскоутом, был использован для описания групповой флексии в турецком в работе [Broadwell 2008]. Формализация анализа групповой флексии в осетинском языке в целом основана на этом исследовании.

5.2. Разложение падежных граммем

5.2.1. Правила и спецификации

Я предлагаю считать, что в осетинском языке имеется проекция CaseP, доминирующая над собственно именной группой (NP или DP, в зависимости от анализа). То, что выше названо МП и ГП, является признаками mCASE и eCASE в f-структуре. При этом МП выражается в узлах N и Case, а ГП – только в узле Case. Правило для CaseP такое же, как для других функциональных проекций:

$$(30) \text{ CaseP} \rightarrow \begin{array}{cc} \text{NP} & \text{Case} \\ \uparrow=\downarrow & \uparrow=\downarrow \end{array}$$

Слова, обладающие только МП или вовсе не маркированные по падежу, занимают вершину N:

$$(31) \text{ маен} \leftarrow \begin{array}{c} \text{N} \\ (\downarrow \text{ PRED}) = \text{'PRO'} \\ (\downarrow \text{ PERS}) = 1 \\ (\downarrow \text{ NUM}) = \text{SG} \\ (\downarrow \text{ mCASE}) = \text{OBL} \\ \Downarrow = \downarrow \end{array}$$

Слова, полностью маркированные по падежу, занимают сразу вершины N и Case:

$$(32) \text{ Зауыраен} \leftarrow \begin{array}{cc} \text{N} & \text{Case} \\ (\downarrow \text{ PRED}) = \text{'Заур'} & (\downarrow \text{ mCASE}) = \text{OBL} \\ (\downarrow \text{ PERS}) = 3 & (\downarrow \text{ eCASE}) = \text{DAT} \\ (\downarrow \text{ NUM}) = \text{SG} & \\ \Downarrow = \downarrow & \end{array}$$

$$(33) \text{ маенаен} \leftarrow \begin{array}{cc} \text{N} & \text{Case} \\ (\downarrow \text{ PRED}) = \text{'PRO'} & (\downarrow \text{ mCASE}) = \text{OBL} \\ (\downarrow \text{ PERS}) = 1 & (\downarrow \text{ eCASE}) = \text{DAT} \\ (\downarrow \text{ NUM}) = \text{SG} & \\ (\downarrow \text{ mCASE}) = \text{OBL} & \\ \Downarrow = \downarrow & \end{array}$$

Здесь требуется пояснить, почему признак mCASE иногда выражается вершиной N, иногда – вершиной Case, а иногда – обеими вершинами. Первое нужно для того, чтобы немаркированные формы типа *маен* могли использоваться в различных синтаксических контекстах, в том числе при групповой флексии. Второе описывает тот факт, что наличие eCASE всегда предполагает mCASE, равный OBL; ниже будет показано, как наличие такой спецификации помогает изыскать групповую флексию. В третьем случае двойное выражение mCASE в принципе избыточно, но удобно для более последовательного представления морфолого-синтаксического интерфейса (см. ниже).

Наконец, необходимо показать, каким образом не полностью специфицированные формы вроде (31) могут употребляться в более специальных контекстах (например, для генитива), но при этом не могут употребляться в случаях, когда имеется другая, более

¹⁷ В этом, на мой взгляд, заключается существенное преимущество данного подхода в сравнении с теориями, предполагающими полный отказ от лексикализма. Если этот принцип полностью ошибочен, то остается необъясненным, почему отклонения от него в языках мира настолько редки.

полно заданная, словоформа (во всех остальных падежах). Для этого необходим принцип Панини (elsewhere principle), однако в общей модели ЛФГ он отсутствует. К счастью, этот принцип был сформулирован применительно к ЛФГ в работе [Andrews 1990] и в формулировке Эндрюза гласит:

Допустим, что в структуре S есть терминальный узел P, занятый словоформой l_1 , и существует другая словоформа l_2 , такая, что f-структура, определяемая дефиницией l_1 , полностью включена в f-структуру, определяемую дефиницией l_2 , и f-структура l_2 включена в f-структуру, которая в S ассоциируется с P (полную структуру, после всех унификаций). Тогда S блокируется.

Другими словами, если некоторая словоформа l_1 может быть заменена на другую, более точную, l_2 , без изменения конечной f-структуры, то употребление l_1 запрещается. Из этого следует, что, к примеру, словоформу *маен* можно использовать вместо генитива, так как специализированная словоформа генитива **мэны* или подобная в осетинском языке отсутствует, но нельзя использовать вместо датива, поскольку есть словоформа *маенæн*, обслуживающая именно датив.

5.2.2. Морфологический компонент

Такие спецификации словоформ не требуют практически никакой модификации морфологического модуля. Структуру осетинской именной парадигмы можно представить, например, в терминах морфологии парадигматических функций Г. Стампа [Stump 2001]:

(34) Основы:

Stem(⟨Зауыр, σ: { }⟩) = ⟨Зауыр, σ⟩
 Stem(⟨æз, σ: {MCASE:OBL, NUM:SG}⟩) = ⟨маен, σ⟩
 Stem(⟨чи, σ: {MCASE:OBL, NUM:SG}⟩) = ⟨каæ, σ⟩
 Stem(⟨чи, σ: {MCASE:OBL, ECASE:IN/DAT/ABL, NUM:SG}⟩) = ⟨каем, σ⟩
 Stem(⟨уый, σ: {NUM:SG}⟩) = ⟨уый, σ⟩
 Stem(⟨уый, σ: {MCASE:OBL, NUM:SG}⟩) = ⟨уы, σ⟩
 Stem(⟨уый, σ: {MCASE:OBL, ECASE:IN/DAT/ABL}⟩) = ⟨уым, σ⟩
 ...

Реализационные правила:

I, $X_{N[\text{SUBST}]}$, {NUM:SG}	→ X
I, $X_{N[\text{SUBST}]}$, {NUM:PL}	→ Xтаæ
II, $X_{N[\text{SUBST}]}$, {MCASE:OBL, ECASE:GEN}	→ Xы
II, X_N , {MCASE:OBL, ECASE:DAT}	→ Xæн
...	

Супплетивизм:

PF(⟨æз, {MCASE:DIR, NUM:SG}⟩) = ⟨æз, {MCASE:DIR, NUM:SG}⟩
 PF(⟨чи, {MCASE:DIR, NUM:SG}⟩) = ⟨чи, {MCASE:DIR, NUM:SG}⟩
 PF(⟨чи, {MCASE:OBL, ECASE:GEN, NUM:SG}⟩) = ⟨каей, {MCASE:DIR, NUM:SG}⟩

Отсутствие реализационного правила для генитива, применимого к местоимениям, обеспечивает использование только формы *маен* как «немаркированного обликуса» при отсутствии формы **мэны*. У лексемы *уый* такая же немаркированная основа, как и у существительных, но, поскольку падежный аффикс генитива *-ы* применим исключительно к субстантивам, в парадигме имеется только форма *уый* в отсутствие формы **уыйы*. У вопросительных местоимений, как и у демонстративов, есть две косвенные основы, но при этом (полностью специфицированные) формы номинатива и генитива супплетивны.

Создание правил вида (31)–(33) – уже задача морфолого-синтаксического интерфейса, которому нужна информация о том, какие признаки к какой вершине необходимо отнести. Это можно сформулировать следующим образом: признаки, выражаемые основой и блоком I, относятся к вершине N, признаки же, выражаемые блоком II, – к вершине Case. Этим обеспечивается выражение MCASE как в N, так и в Case.

5.3. Групповая флексия

Я предлагаю считать MCASE дистрибутивным признаком. Тогда из правила (30) и дефиниций, подобным (31)–(33), следует допустимость структур на рис. 4, 5 и недопустимость структуры на рис. 6:

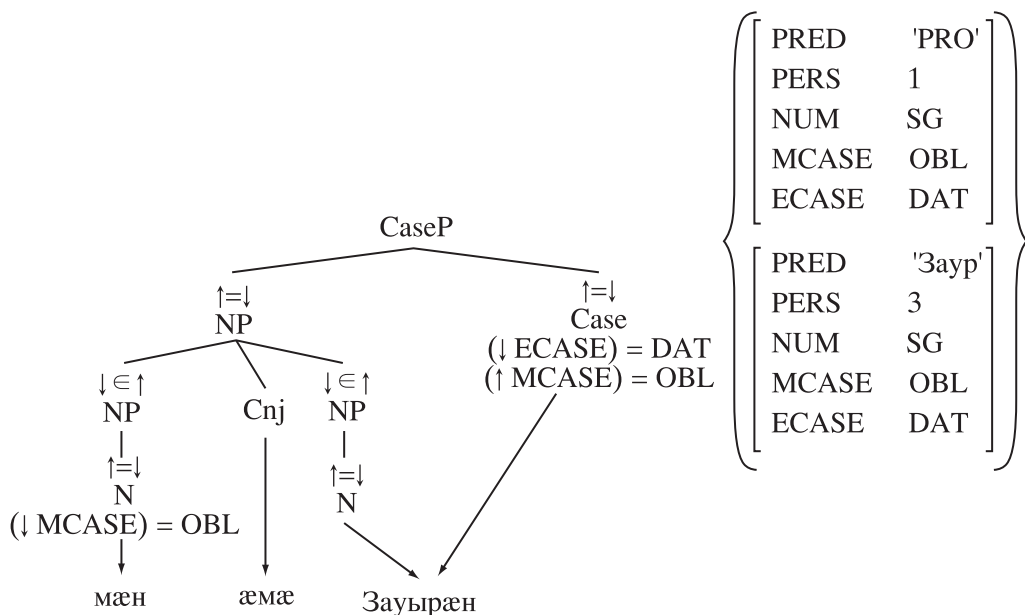

Рис. 4. Структура примера (4)

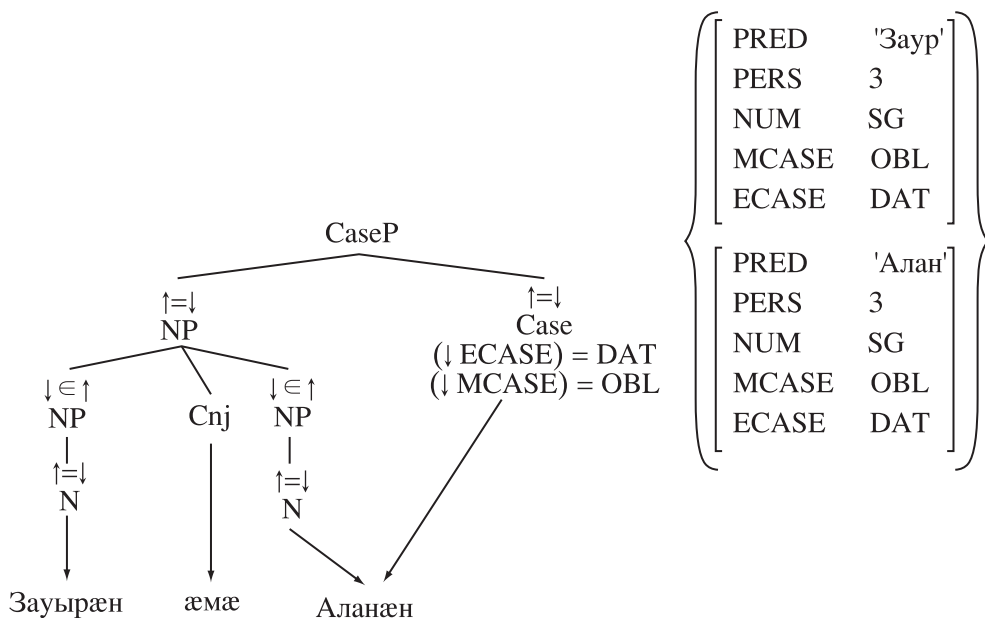

Рис. 5. Структура примера (3)

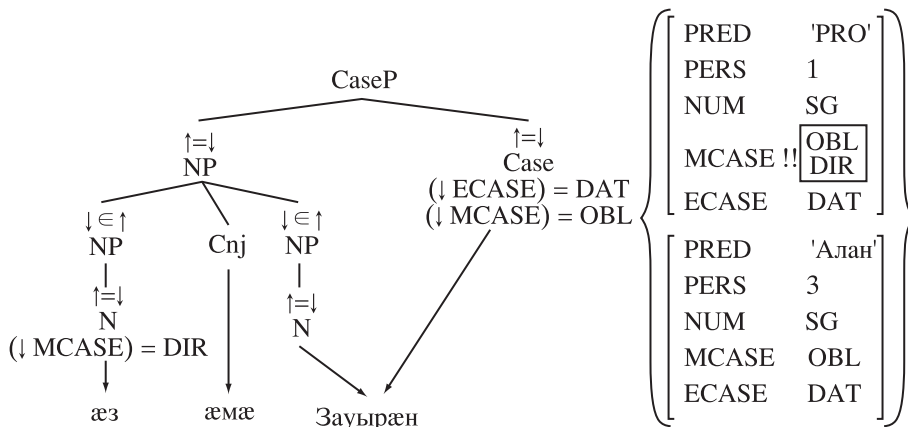

Рис. 6. Структура неграмматичного варианта примера (4)

На рис. 4 первый конъюнкт маркирован как OBL¹⁸, что соответствует спецификации узла Case, распространяющейся на все конъюнкты благодаря механизму применения дистрибутивных признаков к множествам [Kaplan, Maxwell 1995]. На рис. 5 первый конъюнкт не маркирован по падежу, поэтому он просто получает OBL в соответствии с тем же механизмом. На рис. 6, напротив, первый конъюнкт маркирован как DIR, что противоречит спецификации ГП, которую дает второй конъюнкт всей сочинительной группе, и поэтому такое сочинение недопустимо.

Если сочиняются два имени, полностью маркированные по падежу, то это является сочинением двух CaseP:

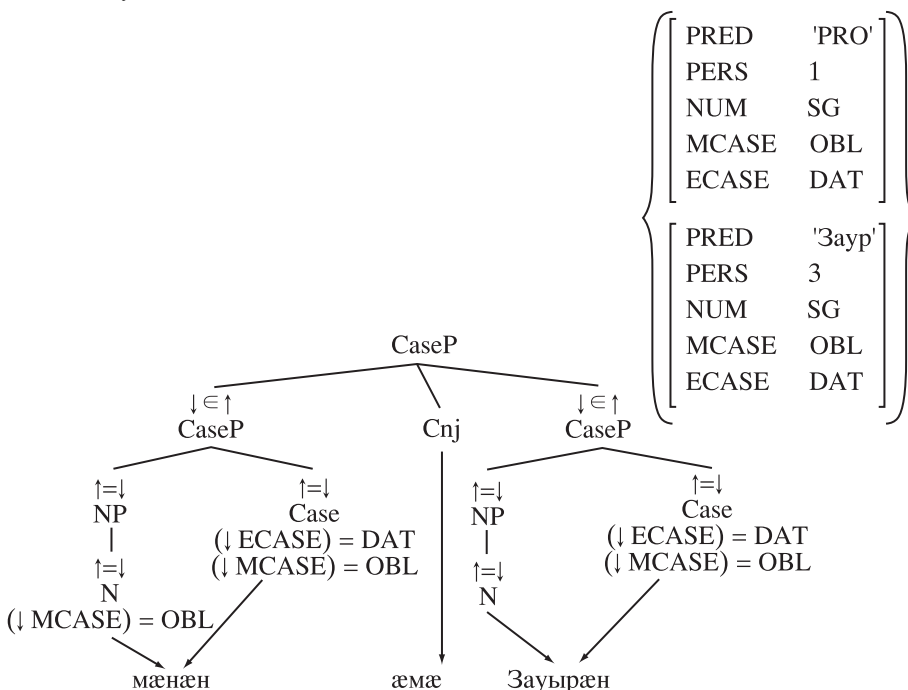

Рис. 7. Вариант примера (4) с сочинением двух CaseP

¹⁸ На рис. 4, 5 и 6 для ясности на с-структуре указаны только падежные признаки.

5.4. Предлог æнæ

Предлог *æнæ* описывается в данном анализе следующим образом: имеется два правила для PP¹⁹, одно имеет в качестве компонента NP, другое – CaseP. NP маркируется падежом (МП, MCASE) OBL, CaseP – аблативом (ГП, ECASE):

$$(35) PP \rightarrow \begin{matrix} P & \{ & NP & | & CaseP & \} \\ \uparrow=\downarrow & & (\uparrow OBJ) = \downarrow & & (\uparrow OBJ) = \downarrow & \\ & & (\downarrow MCASE) = OBL & & (\downarrow ECASE) = ABL^{20} & \end{matrix}$$

Таким образом, в обликвусе могут стоять только слова, имеющие немаркированные формы. Примеры для местоимений и существительных даны на рис. 8 и 9.

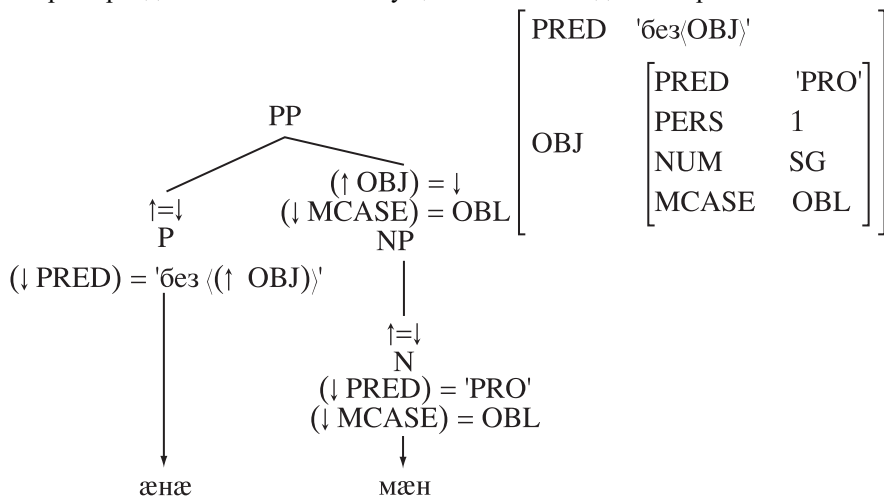

Рис. 8. Анализ примера (16б) с местоимением

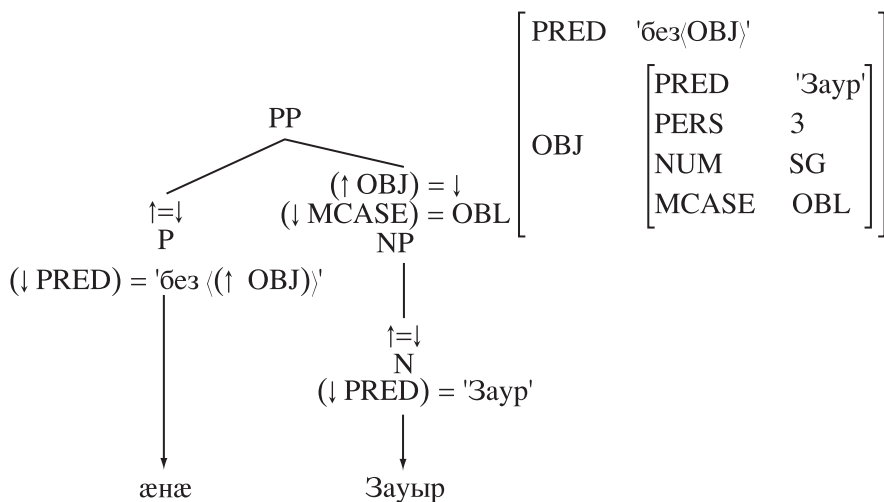

Рис. 9. Анализ примера (16а) с существительным

¹⁹ В осетинском языке *æнæ* – единственный полноценный предлог. Послелого же в большинстве своем являются именами и обладают именными свойствами. Поэтому я буду считать PP именно *предложной* группой, тогда как послеложные группы являются NP.

²⁰ Указывать значение MCASE в данном случае необязательно, так как наличие ECASE однозначно определяет значение MCASE = OBL.

Вопросительные слова не могут использоваться ни в номинативе, ни в «генитиве», так как форма *кай* вводит не NP, а CaseP, а форма *чи*, хотя и вводит NP, имеет значение MCASE, равное DIR (рис. 10).

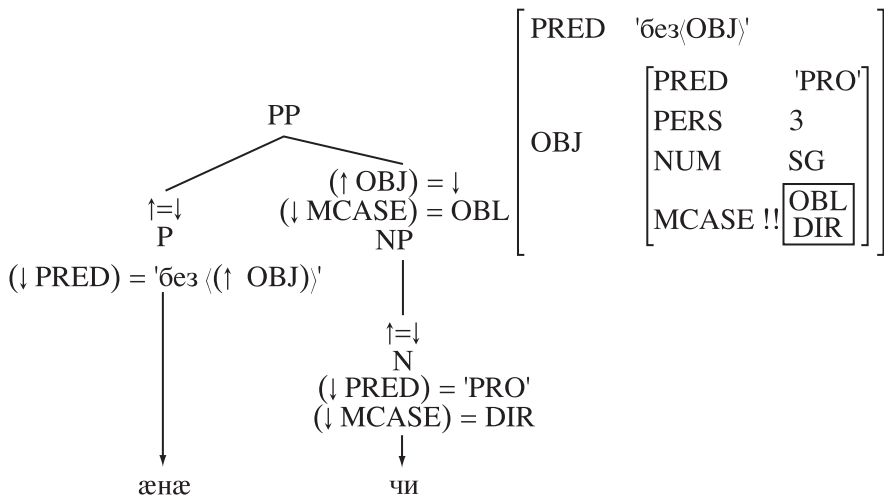

Рис. 10. Анализ неграмматичного примера (24)

5.5. Прямой объект

Маркирование прямого объекта устроено аналогично маркированию зависимого предлога: глагол может управлять либо обликвусом (36), либо генитивом (37).

(36) $(\uparrow \text{OBJ MCASE}) = \text{OBL}$
 $\neg (\uparrow \text{OBJ ECASE})$

(37) $(\uparrow \text{OBJ ECASE}) = \text{GEN}$

Данные правила можно считать лексически заданными в вершине V у переходных глаголов.

Поскольку прямой объект в осетинском языке не имеет фиксированной структурной позиции, мы не можем, приписывая ему падеж, определить, выражен он NP или CaseP²¹. Поэтому в (36) используется дополнительное утверждение, эксплицитно запрещающее прямому объекту обладать признаком ECASE, что фактически эквивалентно требованию, чтобы он был всегда выражен только NP.

5.6. Сопоставление с альтернативными формализациями

В данном разделе предложенная выше формализация будет сопоставлена с двумя альтернативами: классическим лексикализмом и распределенной морфологией. Для краткости я буду рассматривать только формализации групповой флексии, так как описание остальных конструкций мало различается между разными подходами.

5.6.1. Классический лексикализм

В принципе описанный в данной статье анализ довольно легко формализуется в рамках строгого лексикализма, без совместного выражения двух вершин. Действитель-

²¹ Точнее, это возможно, если использовать обратную проекцию ϕ^{-1} от f-структуры к c-структуре, однако этого следует избегать в случае, если есть возможность оставаться в пределах f-структуры.

но, можно считать ECASE недистрибутивным признаком, который «передается» от последнего конъюнкта всей конструкции:

$$(38) \text{ NP} \rightarrow \begin{array}{ccc} \text{NP}^+ & \text{C}_{nj} & \text{NP} \\ \downarrow \in \uparrow & (\uparrow \text{ NUM}) = \text{PL} & \downarrow \in \uparrow \\ \neg (\downarrow \text{ ECASE}) & & (\uparrow \text{ ECASE}) = (\downarrow \text{ ECASE}) \end{array}$$

Однако этот анализ имеет ряд существенных недостатков. Во-первых, как указано в работе [Broadwell 2008], из правила (38) неясно, почему именно последний конъюнкт выражает признак ECASE: с тем же успехом подобную аннотацию мог бы получить первый конъюнкт, предпоследний или второй с начала. В то же время теорема гомоморфического лексикализма (раздел 5.1) требует, чтобы одним словом могли выражаться только соседние вершины; следовательно, групповой аффикс может присоединяться только к крайним конъюнктам; в осетинском языке, как языке по преимуществу левотвещающему, – к последнему конъюнкту.

Во-вторых, предложенный здесь анализ не требует практически никаких изменений синтаксических правил (кроме правила для PP, которое в любом случае должно содержать падежные ограничения). В частности, сочинение может описываться общепринятым в ЛФГ простым правилом (39). Если же придерживаться классического лексикализма, то необходимо задавать отдельное правило сочинения (38), применимое только к ИГ и к тому же снабженное особыми, не вполне стандартными аннотациями. Это явно избыточно, поскольку союз *амæ* в осетинском языке способен сочинять составляющие любых типов.

$$(39) \text{ XP} \rightarrow \begin{array}{ccc} \text{XP}^+ & \text{C}_{nj} & \text{XP} \\ \downarrow \in \uparrow & (\uparrow \text{ NUM}) = \text{PL} & \downarrow \in \uparrow \end{array}$$

В-третьих, правило (38) в нынешнем виде не допускает присоединения «внешнего» падежного аффикса ко всем конъюнктам, возможного в осетинском. Для этого необходимо дополнительное правило, в котором аннотация $(\uparrow \text{ ECASE}) = (\downarrow \text{ ECASE})$ относится ко всем конъюнктам. При этом в предложенном мною анализе такая возможность следует просто из возможности CaseP стоять на месте XP в правиле (39).

5.6.2. Распределенная морфология

Альтернативой лексикалистскому подходу является радикальный отказ от лексикализма, представленный в таких теориях, как распределенная морфология (*distributed morphology*). В рамках этой теории принято описывать групповую флексию как показатель, присоединяющийся к сочиненной группе – комплементу [Kornfilt 1996; Hankamer 2012]²². Этот анализ аналогичен нашему, но словоформа, маркированная падежом, не занимает сразу две позиции; напротив, основа и падеж занимают отдельные позиции (N и Case/K) в дереве.

У этого анализа также есть недостатки в сравнении с предложенным здесь. Во-первых, в распределенной морфологии принято считать, что все словоизменительные аффиксы возглавляют функциональные проекции – то есть именная группа расщепляется на PIP, CaseP и т. д. В таком случае необходимо как-то специально объяснять, почему можно сочинить две PIP под одной CaseP, но нельзя сочинить две NP под одной PIP (36). В работе [Hankamer 2012] указывается, что это связано с тем, что сочинению

²² Альтернативный анализ предложен в [Kharytonava 2012], где групповая флексия рассматривается как удаление некоторых признаков (*impoverishment*) со всех конъюнктов, кроме последнего. Таким образом, речь идет о чем-то вроде эллипсиса, но с удалением не морфем, а признаков, что, в отличие от анализа в [Erschler 2012], совместимо с осетинскими данными и с предложенным здесь разложением падежной системы. Однако неясно, применим ли такой анализ к другим фактам, рассмотренным в данной статье.

могут подвергаться не все составляющие. Такое решение возможно, но не оптимально, так как для каждого конкретного языка придется указывать, что может сочиняться, а что – нет (так, в турецком возможна групповая флексия показателя числа и глагольных показателей, а в осетинском – нет). Таким образом, в распределенной морфологии возможность группового оформления зависит от свойств сочинительной конструкции, а в предложенном здесь анализе – от свойств самих аффиксов (точнее, содержащих их словоформ). Оценить, какой из этих подходов компактнее, сложно; однако второй представляется более естественным.

Во-вторых, распределенная морфология предполагает, что внутренняя структура словоформ непосредственно отражает их синтаксическую структуру, т. е., поскольку P1 обладает приоритетом над N, а Case – над P1, соответствующие аффиксы присоединяются именно в этом порядке. На первый взгляд, в применении к осетинскому языку это свойство скорее является достоинством, так как ГП обычно находится дальше от корня, чем МП, тогда как в нашем анализе такой порядок ниоткуда сам по себе не следует. Однако достоинство превращается в недостаток, если взглянуть на структуру форм множественного числа вопросительных местоимений (раздел 2), где показатели числа и МП (*-mæ*, *-mы*) следуют за показателями ГП. Поскольку наш анализ не требует прямого соответствия морфологической структуры синтаксической, мы можем легко это описать, просто добавив правила для этих показателей:

- (40) III, $X_{N[wh]}$, {NUM:PL, MCASE:DIR} → *Xmæ*
 III, $X_{N[wh]}$, {NUM:PL, MCASE:OBL} → *Xmы*

В рамках распределенной морфологии придется либо прибегать к специальным правилам, задающим нужный порядок аффиксов, либо постулировать дополнительную проекцию выше Case, в которой вторично выражаются признаки NUM и MCASE. На мой взгляд, сама необходимость использовать подобные приемы, чтобы описать порядок аффиксов в осетинском языке, ставит под сомнение исходную посылку распределенной морфологии и подобных ей теорий, состоящую в отрицании наличия четкой границы между морфологией и синтаксисом.

Кроме того, существенно, что в иронском зафиксированы альтернативные формы комитатива и экватива мн. ч. вопросительных местоимений, имеющие регулярный порядок аффиксов: *кай-т-имæ* ‘с кем (мн. ч.)’, *цай-т-имæ* ‘с чем (мн. ч.)’; *кай-т-ау* ‘как кто (мн. ч.)’, *цай-т-ау* ‘как что (мн. ч.)’ [Кулаев 1957: 268]. Насколько можно судить, никаких существенных семантических отличий от форм с «обратным» порядком аффиксов такие формы не имеют. Следовательно, разумно предположить, что порядок числа и падежа в осетинском является чисто формальным параметром, связанным со свойствами конкретных лексем и падежей и вызванным, скорее всего, историческими причинами. В связи с этим, как кажется, предпочтителен анализ, в котором подобная вариативность эксплицитно описывается как частный признак отдельных словоформ, а не выводится каким-то образом из базовых свойств лексем или путем постулирования дополнительных проекций или передвижений.

6. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Необходимо отметить, что осетинская падежная система не является уникальным случаем «двухуровневости» падежа. Очень похожее поведение групповой флексии имеется в армянском языке [Архангельский 2012], где у местоимений и некоторых существительных вместо ожидаемого номинатива используется датив, который также является косвенной основой для остальных падежей:

- (41) inj / *es u k'ez-anic'
 1SG.DAT 1SG.NOM и 2SG.DAT-ABL
 ‘от меня и тебя’

Во многом похожи на осетинские падежи постпозитивные показатели в индоарийских языках, сосуществующие с реликтами санскритской падежной системы:

- (42) *yasin=ne* [*kutt-e* or *g^hoṛ-e*]=*ko*
Ясин.М.СГ=ЕРГ собака-М.СГ.ОБЛ и конь-М.СГ.ОБЛ=АСС
dek^h-a *he*
видеть-РЕРФ.М.СГ быть.ПРЕС.3.СГ
'Ясин увидел собаку и лошадь' (хинди-урду, [Butt, King 2004]).

В индоарийском языкознании, однако, вопрос о статусе этих показателей является спорным [Зограф 1976; Spencer 2005]. Собственно говоря, возможность примеров вида (42) М. Батт и Т. Кинг приводят как один из аргументов против падежного статуса этих единиц в хинди. Однако осетинские данные показывают, что подобные явления возможны и с несомненно морфологическими показателями (впрочем, в хинди есть и другие основания считать вторичные «падежи» клитиками). В других индоарийских языках вторичные падежи бывают как более, так и менее морфологизированными; так, в цыганском языке примеры, подобные (42), невозможны (А.Ю. Русаков, л. с.), что говорит о том, что степень грамматикализации вторичных падежей в этом языке достигла своего предела.

Напоминают осетинский и данные калмыцкого языка, в котором имеются формы «немаркированной» косвенной основы, не омонимичные ни одному из падежей и употребляющиеся в некоторых конструкциях, например при числительных [Сай 2009: 655]:

- (43) ...*ma* *dörvən-igə* *av-č* *ir-äd*...
мы четыре-АСС брат-СВ.ИПФV приходить-СВ.АНТ
'...взяв нас четверых...' [Сай 2009: 655]

При этом формой номинатива местоимения 'мы' является *madən*, генитива – *tana*, а остальные падежи образуются путем присоединения аффиксов к косвенной основе.

В тохарском А языке «вторичные» падежи, в основном грамматикализованные из послелогов, присоединяются к одному из «первичных» падежей, унаследованных из праиндоевропейского, – аккузативу. При групповой флексии все конъюнкты, кроме последнего, стоят в аккузативе [Бурлак 2002]:

- (44) *ñäkt-as* *parem-s-am*
бог-РЛ.АСС человек-РЛ.АСС-ЛОС
'среди богов и людей' [Бурлак 2002]

Интересно, что подобное явление наблюдается также, если сочиненная группа маркирована генитивом, хотя генитив с синхронной точки зрения нельзя однозначно считать «вторичным» падежом (С.А. Бурлак, И.Б. Иткин, л. с.), а диахронически показатель генитива единственного числа унаследован от праиндоевропейского состояния [Carling 2012]:

- (45) (*sä*)*rk* *mokone* *wlaluneyis*
болезнь:СГ.АСС старость:СГ.АСС смерть:ГЕН.СГ
'болезни (?), старости и смерти' (304 б7, И.Б. Иткин, л. с.).

Это напоминает осетинский язык, в котором групповыми являются все падежные аффиксы, хотя генитив, инэссив, экватив, а также, возможно, аблатив восходят к единицам, которые были аффиксами еще на праиранском уровне [Belyaev 2010].

По-видимому, это связано с позднейшей перестройкой системы в результате грамматикализации большого числа новых падежей из послелогов и других служебных слов²³.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье было показано, что из данных групповой флексии, приписывания падежа предлогом и маркирования прямого объекта следует, что осетинская падежная система в действительности включает в себя две грамматические категории: бинарный «морфологический» падеж (МП), состоящий из грамем ректуса и обликвуса, и восемь косвенных групповых падежей (ГП), выражаемых групповыми аффиксами. Была предложена формализация данного анализа в терминах лексико-функциональной грамматики, так что ГП всегда выражается в вершине Case, а МП может выражаться как в вершине N, так и в вершине Case; при этом имена, маркированные по ГП, занимают сразу обе вершины. Это позволяет сочетать преимущества лексикалистского подхода к синтаксису с тем наблюдением, что показатели ГП представляют собой групповые аффиксы.

Две рассмотренные альтернативные формализации осетинской падежной системы фактически представляют собой два логически возможных варианта анализа групповой флексии: «аффикс присоединяется только к последнему конъюнкту» (лексикализм) vs. «аффикс присоединяется ко всей сочинительной группе»²⁴ (распределенная морфология). Было показано, что каждый из этих подходов обладает своими недостатками; иного трудно было бы ожидать, поскольку групповая флексия по определению представляет собой случай, который нельзя однозначно описать ни как энклитизацию (тогда групповые показатели были бы не аффиксами, а послелогами), ни как обычную морфологическую флексию (тогда аффикс не присоединялся бы только к последнему конъюнкту).

Предложенный в данной статье анализ снимает это противоречие, так как позволяет рассматривать словоформы, содержащие групповые аффиксы, и как занимающие позицию последнего конъюнкта, и как занимающие позицию внешней по отношению к сочинительной группе вершины. При этом сохраняется фундаментальное разграничение между морфологией и синтаксисом, что позволяет не считать все аффиксы возглавляющими свои функциональные проекции, но в каждом конкретном случае принимать решение на основании синтаксического поведения словоформ.

Исходя из данных осетинского языка и краткого обзора в разделе 6, можно утверждать, что за многими противопоставлениями прямой и косвенной основ стоят двухпадежные системы, «скрытые» под агглютинативными и часто более поздними по происхождению²⁵ многопадежными [Аркадьев 2006: 224–232; Kulikov 2009]. Граммы первой категории выражаются полностью морфологическими показателями, второй – групповыми аффиксами. Подобное сосуществование двух разных систем в рамках одного языка говорит о том, что эти системы следует различать и в типологическом плане. Иначе говоря, сопоставляя, к примеру, русскую или латинскую систему с турецкой, следует иметь в виду, что первая носит чисто морфологический характер, тогда как во второй падежные аффиксы являются групповыми показателями. Возможно, что типологические обобщения, верные относительно одного из видов «падежа», не верны относительно другого²⁶.

²³ Р. Кимом [Kim 2003] был предложен более радикальный подход к эволюции падежей в осетинском, состоящий в том, что к праиранскому уровню восходят только номинатив и генитив, а все остальные падежи произошли из послелогов и других служебных элементов. Однако даже такой анализ принципиально не меняет картину, так как объяснения требует групповой статус генитива. Кроме того, критику концепции Кима см. в работе [Cheung 2008].

²⁴ Вариант «аффикс присоединяется ко всем конъюнктам, а затем удаляется» я не рассматриваю, так как выше была показана его несостоятельность, во всяком случае в применении к осетинскому языку.

²⁵ В осетинском языке это не так однозначно, см. конец раздела 6.

²⁶ Ср. в этой связи работу [Spencer 2008], где предлагается не считать венгерские «падежи» показателями именно этой категории в типологической перспективе (впрочем, на других, нежели здесь, основаниях).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ABL – аблатив, ACC – аккумулятив, ADD – аддитив, ALL – аллатив, ANT – относительное прошедшее время, COMIT – комитатив, CONTR – контраст, CV – конверб, DAT – датив, DIR – ректус, DIST – дальний дейксис, ENCL – энклитика, ERG – эргатив, FUT – будущее время, GEN – генитив, IN – локализация ‘в’, INF – инфинитив, INTR – непереходность, IPFV – имперфектив, LOC – локатив, M – мужской род, NEG – отрицание, NOM – номинатив, NUM – аднумератив, OBL – обликвус, PERF – перфект, PFV – перфектив, PL – множественное число, POSS – посессив, PROX – ближний дейксис, PRES, PRS – настоящее время, PST – прошедшее время, PV – преверб, RECP – реципрок, REFL – рефлексив, SG – единственное число, SUPER – локализация ‘на’, TR – переходность, UNIV – обобщающее местоимение

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абаев 1949 – Абаев В.И. Очерк расхождений иронского и дигорского диалектов // Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. С. 357–493. [Abaev V.I. An essay of differences in Iron and Digor dialects. Abaev V.I. *Osetinskii yazyk i fol'klor*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. 1949. Pp. 357–493.]
- Абаев 1959 – Абаев В.И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959. [Abaev V.I. *Grammaticheskii ocherk osetinskogo yazyka* [Ossetian grammar]. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe Knizhnoe Izd., 1959.]
- Аркадьев 2006 – Аркадьев П.М. Типология двухпадежных систем: Дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт славяноведения, 2006. [Arkad'ev P.M. *Tipologiya dvukhpadezhnykh sistem*. Kand. diss. [A typology of two-case systems. Cand. Diss.]. Moscow: Institute of Slavic studies, Russian Academy of Sciences, 2006.]
- Архангельский 2012 – Архангельский Т.А. Групповая флексия в именной сочинительной конструкции восточноармянского языка // Асатрян Г.С. и др. (ред.). IX Международная конференция по армянскому языкознанию. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 25–29. [Arkhangel'skii T.A. Group inflection in the nominal co-ordinating construction in East Armenian. *IX Mezhdunarodnaya konferentsiya po armyanskomu yazykoznaniiyu*. Asatryan G.S. et al. (eds). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2012. Pp. 25–29.]
- Ахвледиани 1963 – Ахвледиани Г.С. (ред.). Грамматика осетинского языка. Т. 1. Фонетика и морфология. Орджоникидзе: НИИ при Совете министров Северо-Осетинской АССР, 1963. [Akhvlediani G.S. (ed.). *Grammatika osetinskogo yazyka*. Т. 1: *Fonetika i morfologiya* [Ossetian grammar. Vol. 1: Phonetics and morphology]. Ordzhonikidze: Research Inst., Council of Ministers of North Ossetian ASSR, 1963.]
- Багаев 1965 – Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965. [Bagaev N.K. *Sovremennyi osetinskii yazyk*. Ch. 1. Fonetika i morfologiya [Modern Ossetian. P. 1. Phonetics and morphology]. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe Knizhnoe Izd., 1965.]
- Беляев 2012 – Беляев О.И. Коррелятивная конструкция и конструкция относительного предложения с внутренней вершиной в бесермянском диалекте удмуртского языка // Кузнецова А.И., Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю., Сай С.С., Калинина Е.Ю. (ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 647–679. [Belyaev O.I. Correlatives and internally-headed relative clauses in the Besermyan dialect of Udmurt. *Finno-ugorskie yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody*. Kuznetsova A.I., Serdobol'skaya N.V., Toldova S. Yu., Sai S.S., Kalinina E. Yu. (eds). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2012. Pp. 647–649.]
- Беляев 2014 – Беляев О.И. Коррелятивная конструкция в осетинском языке в типологическом освещении: Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2014. [Belyaev O.I. *Korrelyativnaya konstruktziya v osetinskom yazyke v tipologicheskom osvshchenii*. Kand. diss. [Ossetic correlatives in typological perspective. Cand. Diss.]. Moscow: Moscow State Univ., 2014.]
- Бурлак 2002 – Бурлак С.А. Групповая флексия и «групповая суффиксация» в тохарском А языке // Подлеская В.И. (отв. ред.). Третья зимняя типологическая школа. Материалы лекций и семинаров. М.: РГГУ, 2002. С. 117–118. [Burlak S.A. Group inflection and “group suffixation” in Tocharian. Podlesskaya V.I. (ed.). *Tret'ya zimnyaya tipologicheskaya shkola. Materialy lektzii i seminarov*. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2002. Pp. 117–118.]

- Выдрин 2013 – Выдрин А.П. Неканоническое маркирование актантов двухместных предикатов в литературном осетинском языке. Рукопись. http://www.ossetic-studies.org/vydrin/files/6113/7172/9776/___last_1.pdf [Vydrin A.P. *Nekanonicheskoe markirovanie aktantov dvukhmestnykh predikatov v literaturnom osetinskom yazyke* [Non-canonical marking of actants of binary predicates in Standard Ossetian]. Unpublished.]
- Гагкаев 1952 – Гагкаев К.Е. Очерк грамматики осетинского языка. Орджоникидзе: Государственное издательство Северо-Осетинской АССР, 1952. [Gagkaev K.E. *Ocherk grammatiki osetinskogo yazyka* [An essay of the Ossetian grammar]. Ordzhonikidze: Gos. Izd., North Ossetian ASSR, 1952.]
- Ганенков и др. 2012 – Ганенков Д.С., Ландер Ю.А., Майсак Т.А. Удинский язык без эндоклитик. Доклад на Семинаре по теоретической и прикладной лингвистике МГГУ им. М.А. Шолохова, 2012 // http://udilang.narod.ru/file/Udi_mggu_2012.pdf [Ganenkov D.S., Lander Yu.A., Maisak T.A. *Udinskii yazyk bez endoklitik. Doklad na Seminare po teoreticheskoi i prikladnoi lingvistike MGGU im. M.A. Sholokhova* [Udi without endoclitics. A paper read at the workshop on theoretical and applied linguistics in Sholokhov Moscow State Univ. for the Humanities], 2012.]
- Зограф 1976 – Зограф Г.А. Морфологический строй новых индоарийских языков. М.: Наука, 1976. [Zograf G.A. *Morfologicheskii stroi novykh indoariiskikh yazykov* [Morphological structure of modern Indo-Aryan languages]. Moscow: Nauka, 1976.]
- Исаев 1966 – Исаев М.И. Дигорский диалект осетинского языка. М.: Наука, 1966. [Isaev M.I. *Digorskii dialekt osetinskogo yazyka* [The Digor dialect of the Ossetian language]. Moscow: Nauka, 1966.]
- Казенин 2002 – Казенин К.И. Современные формальные теории синтаксиса: сопоставление трактовок грамматической анафоры // Кибрик А.А., Кобозева И.М., Секерина И.А. (ред.). Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. М.: УРСС, 2002. С. 403–433. [Kazenin K.I. Contemporary formal syntactic theories: a comparison of the treatments of grammatical anaphora. *Sovremennaya amerikanskaya lingvistika: fundamental'nye napravleniya*. Kibrik A.A., Kobozeva I.M., Sekerina I.A. (eds). M.: URSS, 2002. Pp. 403–433.]
- Кибрик, Кодзасов 1990 – Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.: Изд-во МГУ, 1990. [Kibrik A.E., Kodzasov S.V. *Sopostavitel'noe izuchenie dagestanskikh yazykov. Imya. Fonetika* [A comparative study of Dagestania languages. Noun. Phonetics]. Moscow: Moscow State Univ., 1990.]
- Кулаев 1957 – Кулаев Н.Х. К вопросу о проблеме падежей осетинского языка // Известия СОНИИ. 1957. Т. 19. С. 255–268. [Kulaev N.Kh. The problem of Ossetian case revisited. *Proc. of the North Ossetian Research Inst.* 1957. Vol. 19. Pp. 255–268.]
- Перепись 2010 – Владение языками населением Российской Федерации // Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-05.pdf [Language competence of the Russian Federation population. *Vserossiiskaya perepis' naseleniya 2010 g.* Т. 4: Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo.]
- Сай 2009 – Сай С.С. Грамматический очерк калмыцкого языка // Acta linguistica petropolitana. 2009. Т. V. Ч. 2. С. 622–709. [Sai S.S. An essay of the Kalmyk grammar. *Acta linguistica petropolitana*. 2009. Vol. V. Part 2. Pp. 622–709.]
- Сосенская 1999 – Сосенская Т.Б. Сравнительные конструкции // Кибрик А.Е., Тестелец Я.Г. (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999. С. 560–581. [Sosenskaya T.B. Comparative constructions. *Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii*. Kibrik A.E., Testeletz Ya.G. (eds). Moscow: Nasledie, 1999. Pp. 560–581.]
- Токазов 1977 – Токазов Х.А. О количестве падежей в осетинском языке // Габараев Н.Я. (ред.). Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси: Мецниереба, 1977. С. 264–279. [Tokazov Kh.A. About the number of cases in Ossetian. *Voprosy iranskoi i obshchei filologii*. Gabaraev N.Ya. (ed.). Tbilisi: Metsniereba, 1977. Pp. 264–279.]
- Якобсон 1936/1985 – Якобсон Р.О. К общему учению о падеже. Общее значение русского падежа // Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 133–175. [Jakobson R.O. General case grammar revisited. General meaning of the Russian case. Jakobson R.O. *Izbrannye raboty*. Moscow: Progress, 1985. Pp. 133–175.]
- Anderson 1969 – Anderson S.R. *West Scandinavian vowel systems and the ordering of phonological rules*. PhD diss. Cambridge (MA): Massachusetts institute of technology, 1969.
- Andrews 1990 – Anderson S.R. Unification and morphological blocking. *Natural language and linguistic theory*. 1990. Vol. 8. No. 4. Pp. 507–557.

- Arkhangelskiy, Belyaev 2011 – Arkhangelskiy T., Belyaev O. A comparison of Eastern Armenian and Iron Ossetic spatial systems. *Languages and cultures in the Caucasus*. Tomelleri V.S., Topadze M., Lukianowicz A. (eds). München; Berlin: Verlag Otto Sagner, 2011. Pp. 285–299.
- Belyaev 2010 – Belyaev O. Evolution of case in Ossetic. *Iran and the Caucasus*. 2010. Vol. 14. No. 2. Pp. 287–322.
- Bierwisch 1967 – Bierwisch M. Syntactic features in morphology: general problems of so-called pronominal inflection in German. *To honor Roman Jakobson: Essays on the occasion of his seventieth birthday*. The Hague: Mouton, 1967. Pp. 239–270.
- Blevins 1995 – Blevins J.P. Syncretism and paradigmatic opposition. *Linguistics and Philosophy*. 1995. Vol. 18. Pp. 113–152.
- Bresnan 2001 – Bresnan J. *Lexical-functional syntax*. Oxford: Blackwell, 2001.
- Broadwell 2008 – Broadwell G.A. Turkish suspended affixation is lexical sharing. *Proceedings of the LFG08 conference*. Butt M., King T.H. (eds). Stanford: CSLI Publications, 2008. Available at: <http://web.stanford.edu/group/cslipublications/cslipublications/LFG/13/papers/lfg08broadwell.pdf>
- Butt, King 2004 – Butt M., King T.H. The status of case. *Clause structure in South Asian languages*. Dayal V., Mahajan A. (eds). Dordrecht: Springer, 2004. Pp. 153–198.
- Carling 2012 – Carling G. Development of form and function in a case system with layers: Tocharian and Romani compared. *Tocharian and Indo-European studies*. 2012. Vol. 13. Pp. 55–74.
- Cheung 2008 – Cheung J. The Ossetic case system revisited. *Evidence and counter-Evidence: Essays in honour of Frederik Kortlandt*. Lubotsky A., Schaeken J., Wiedenhof J. (eds). Amsterdam; New York: Rodopi, 2008. Pp. 87–105.
- Dalrymple 2001 – Dalrymple M. *Lexical functional grammar*. New York: Academic press, 2001.
- Erschler 2012 – Erschler D. Suspended affixation in Ossetic and the structure of the syntax-morphology interface. *Acta linguistica hungarica*. 2012. Vol. 59. No. 1–2. Pp. 153–175.
- Falk 2001 – Falk Y.N. *Lexical functional grammar. An introduction to parallel constraint-based syntax*. Stanford: CSLI Publications, 2001.
- Hankamer 2012 – Hankamer J. *Ad-phrasal affixes and suspended affixation*. Presentation at Workshop on suspended affixation, Cornell University, 2012. Available at: http://conf.ling.cornell.edu/WOSA/Hankamer_handout.pdf
- Harris 2002 – Harris A. *Endoclitics and the origins of Udi morphosyntax*. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Johannessen 1998 – Johannessen J.B. *Coordination*. Oxford: Oxford University Press, 1998.
- Kaplan, Maxwell 1995 – Kaplan R.M., Maxwell J.T. III. Constituent coordination in Lexical-functional grammar. *Formal issues in Lexical-functional grammar*. Dalrymple M., Kaplan R.M., Maxwell J.T. III, Zaenen A. (eds). Stanford: CSLI Publications, 1995. Pp. 199–210.
- Kharytonava 2012 – Kharytonava O. Taming affixes in Turkish: with or without residue? *Irregularity in morphology (and beyond)*. Stoltz T., Otsuka H., Urdze A., van der Auwera J. (eds). Berlin: Akademie Verlag, 2012. Pp. 167–185.
- Kim 2003 – Kim R.I. On the historical phonology of Ossetic: The origin of the oblique case suffix. *Journal of the American oriental society*. 2003. Vol. 123. No. 1. Pp. 43–71.
- Kornfilt 1996 – Kornfilt J. On some copular clitics in Turkish. *ZAS papers in linguistics*. 1996. Vol. 6. Pp. 96–114.
- Kulikov 2009 – Kulikov L. Evolution of case systems. *The Oxford handbook of case*. Malchukov A., Spencer A. (eds). Oxford: Oxford University Press, 2009. Pp. 439–457.
- Lewis et al. 2014 – Lewis M.P., Simons G.F., Fennig Ch.D. (eds). *Ethnologue: Languages of the world*. Dallas: SIL International, 2014. Available at: <http://www.ethnologue.com>
- Lewis 1967 – Lewis G. *Turkish grammar*. Oxford: Oxford University Press, 1967.
- Masica 1991 – Masica C. *The Indo-Aryan languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Müller 2002 – Müller G. Remarks on nominal inflection in German. *More than words: A Festschrift for Dieter Wunderlich*. Kaufmann I., Stiebels B. (eds). Berlin: Akademie Verlag, 2002. Pp. 113–145.
- Spencer 2005 – Spencer A. Case in Hindi. *Proceedings of the LFG05 Conference*. Butt M., King T.H. (eds). Stanford: CSLI Publications, 2005. Available at: <http://web.stanford.edu/group/cslipublications/cslipublications/LFG/10/lfg05spencer.pdf>
- Spencer 2008 – Spencer A. Does Hungarian have a case system? *Case and grammatical relations. Studies in honor of Bernard Comrie*. Corbett G., Noonan M. (eds). Amsterdam: John Benjamins, 2008. Pp. 35–56.
- Stump 2001 – Stump G.T. *Inflectional morphology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Wescoat 2002 – Wescoat M.T. *On lexical sharing*. PhD diss. Stanford: Stanford University, 2002.

Wescoat 2005 – Wescoat M.T. English nonsyllabic auxiliary contractions: An analysis in LFG with lexical sharing. *Proceedings of the LFG05 conference*. Butt M., King T.H. (eds). Stanford: CSLI Publications, 2005. Available at: <http://web.stanford.edu/group/cslipublications/cslipublications/LFG/10/lfg05wescoat.pdf>

Сведения об авторе:

Олег Игоревич Беляев
Институт языкознания РАН / МГГУ
им. М.А. Шолохова
obelyaev@gmail.com

Information about the author:

Oleg I. Belyaev
Institute of linguistics (RAS) /
Sholokhov Moscow state university for the
humanities
obelyaev@gmail.com
Moscow / Russia

Статья поступила в редакцию 7.04.2014.